

MAGIC WORLDS

ВСЕВОЛОД АЛФЕРОВ

ЦАРЬ БЕЗ
ЦАРСТВА

— Анхарский цикл —

Волшебные Миры

Всеволод Алферов

Царь без царства

«Снежный Ком»

2018

Алферов В.

Царь без царства / В. Алферов — «Снежный Ком»,
2018 — (Волшебные Миры)

ISBN 978-5-9500850-2-4

Это Анхарское царство. Страна, в которой золотую маску Царя Царей носит мальчишка, а из-за его спины правят безжалостные советники. Страна, в которой магов почитают отродьями, преследуют и запирают в обителях. И даже сам Верховный маг обладает властью не большей, чем юный царь. В смертельной схватке за власть сановники не замечают нарастающую волну странных ритуальных убийств. В игру вступает третья сила – загадочная и беспощадная. Устоит ли дряхлеющее древнее царство под этим натиском? Встречайте первую книгу «Анхарского цикла» Всеволода Алферова, написанную в лучших традициях классического фэнтези!

ISBN 978-5-9500850-2-4

© Алферов В., 2018
© Снежный Ком, 2018

Содержание

Часть первая. Вскормленный кровью	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Всеволод Алферов

Царь без царства

*Ближе всего моему сердцу царь без царства и бедняк, не умеющий
просить милостыню.*

Джебран Халиль Джебран

Часть первая. Вскормленный кровью

1

Торговый город Джамайя на Золотом тракте, 9-е месяца Пауни, 752 год после Завоевания

На исходе второго часа в трущобах Джен проклял сестру.

Небо над рекой стало как замусоренная мостовая: пепельно-серое, почти седое, в клочьях комковатых облаков. Уже почти стемнело, лишь на западе, над Светлым городом, краешек солнца пробивался над крышами, залив подбрюшья туч тусклым светом.

«Будь ты проклята, Сахра!»

Джен искал другие слова, помягче, но не находил. Еще раз оглянувшись, юноша понял, что теперь-то заблудился окончательно.

В чередке одинаковых обветшалых зданий он и днем бы не узнал то самое, нужное ему. Глиняные заборы заслонили падающий из окон свет, в сумерках люди казались безликими призраками. Юноше не нравилось это место: ни тени, ни прохожие, ни любопытные взгляды. Они словно оценивали, взвешивали его. Если б он мог, он бы тут же развернулся и зашагал прочь.

Если бы не Сахра.

Джен неуверенно двинулся дальше, когда понял, что кто-то держит его за рукав. Снизу вверх на него вытаращились два мутных глаза, один подернулся белесой пленкой бельма.

– Любезный, монетки не найдется?

Джен вздрогнул.

Глаза у нищего – ну точно оловянные бляшки, да и смотрел он в пустоту над правым плечом парня. Выдавлив просьбу, старик тонко захихикал, из уголка его губ потянулась ниточка иссиня-черной слюны. Черный дурман, понял Джен.

– Пошел вон! – Он пнул нищего и заспешил прочь. Здесь, в трущобах, где вдоль дороги не чадят факелы, тени густеют быстро. Даже слишком быстро.

Главное – не стоять на месте, уж это он знал точно. Идущий человек сливается с сотнями других, стоит встать посреди дороги как истукан – и неминуемо станешь жертвой нищих и городского вора.

Главное – не стоять на месте... И все же неплохо знать, куда идти! Пятый поворот направо от моста. Вывеска с нарисованным цветком. Сколько облупившихся, бездарно намалеванных вывесок он уже прошел? Сколько и вправду напоминают то, что на них нарисовали?

Джен распознал харчевню по смеху: трудно спутать пьяный гогот с искренним и неподдельным весельем. Шагнув внутрь, он оказался в чадном полумраке. В темноте под высоким, потемневшим от копоти потолком гудели мухи. Редкие огоньки шипящих масляных ламп бросали на лица причудливые тени.

Мимолетно порадовавшись, что не взял с собой кошелек, Джен отступил в тень. Быть незаметным – первое, чему сызмальства учится горожанин. Пару ударов сердца он вглядывался в полумрак, пока не приметил женское лицо. Боги, неужто это Сахра? Словно заторможенная, девушка двигалась меж столов, безучастно водя по ним мокрой тряпкой. Неужели Сахра? Нет... Нет. Просто служанка, просто худая белокожая девушка, одурманенная зельем.

Юноша выругался.

Сестра говорила, что нанялась в «Синий лотос» разносчицей, но будь он проклят, если видит хоть одну! Только тощий старик с унылым лицом сновал меж посетителей, удерживая в руках полдюжины оловянных кружек.

Покинув укрытие, Джен стал проталкиваться сквозь толпу.

– Эй, почтенный! Да, ты. Поди сюда... – Старик опасливо подошел, поглядывая на белую рубаху и длинный, до середины икр, кафтан парня. – Мне нужна Сахра. Не знаешь, где ее искать?

– Господин, верно, в первый раз? – Старик удивился, но все же махнул рукой. – Там... комнаты...

Вот и все, что разобрал Джен. Мгновением позже он скорей угадал, чем разглядел в тени потрепанную лестницу, но уточнить было не у кого. Разносчик успел скрыться за спинами посетителей.

Уже тогда, в темном коридоре за лестницей, в мысли парня закрались первые робкие сомнения: зачем сестра солгала? Довести мысль до конца он не успел – Сахра выпорхнула навстречу. Не заметив брата, она налетела на юношу и лишь тогда его узнала.

– Джен!

Долгое мгновение он не мог понять, рассержена она или рада его видеть. А потом девушка повисла у него на шее:

– Я так рада, что ты пришел! Я уж собралась спускаться, но они могут подождать...

– Им придется подождать, – юноша встал поперек прохода, загородил дорогу.

Бревенчатые, обмазанные глиной стены. Пучок трав на нитке под потолком. Их горьковатый аромат затопил комнату, отгоняя прочие запахи. Над огоньком масляной плошки неуклюже танцевали ночные бабочки. «А здесь... даже уютно», – признал Джен, но вслух строго спросил:

– Сегодня работаешь ночью?

Сестра кивнула.

– Ты очень удачно пришел, – скрестив ноги, она уселась на подушки, озорные глаза ее в полумраке блестели. Юноша приметил тонкое колечко с бирюзой, в темных волосах проглядывали цветные нити. «Откуда?» – хотелось спросить, но сестра не дала ему вставить слова. – Теперь ты сам видишь, как славно я устроилась! Обязательно передай отцу, что у меня все в порядке. А завтра я зайду.

– Ты что, жить здесь будешь?

Сахра фыркнула:

– А ты как думаешь? Вечером тут больше всего народу! Возвращаться ночью через Глиняный город... как ты там говоришь?

– Неосмотрительно.

– Вот-вот, – усмехнулась сестра. – Кормят сносно, ну и мне кое-что перепадает от здешних харчей.

Джен подошел к окну и выглянул на улицу.

Подступившая ночь укутала переулки Джамаи густо-синим покровом. Там, где поперек улиц протянулись пятна света, маслянисто поблескивали сточные канавы.

– Отцу хуже, – помрачнел Джен. – Ссора с ублюдком совсем его подкосила.

– Не ты лекарь, а отец, – в глазах Сахры мелькнул жесткий огонек. – Даже не поднимаясь с постели, уж он-то знает, как себя лечить! Делай, что он говорит, и все.

– Хорошо бы, если так...

Они замолчали. Джен сел на подоконник, опустил голову. Смотреть сестре в глаза не хотелось: Сахра слишком верит в старика, она не поймет.

– Давай говорить начистоту, сестренка, – не выдержал юноша. – Он давно не лекарь. Кабы он не ошибался так часто, Бахри не пошел бы в палату писарей, а судебные приставы не затоп-

тали наш дом. Приходят все новые люди... и те, что пострадали, и те, кого он вправду вылечил. Все хотят денег. Требуют. Я... я не знаю, когда это кончится. И что у нас тогда останется.

– Ну же, Джен! Не все так плохо.

– Не все так плохо! – передразнил парень. – Ты не выпроваживаешь приставов. Не носишься за стариком, который в кои веки понял, что от его лекарств только хуже.

Сахра порывалась заговорить, но Джен помотал головой:

– Я не хотел рассказывать, сестренка. Меня тут собирався нанять один богатей. Не лавочник, решивший обучить свою ораву грамоте, а настоящий купец, из Светлого города! Но, когда там узнали, меня вытолкали взащей.

Сглотнув, Джен продолжил, выплескивая накопившуюся муть:

– Эти выродки, которых я учу... они шепчутся за спиной, как будто, если лекарь стар и слаб на ум, он научил меня неправильно писать или считать не так, как все.

Он даже не понял, как это произошло: вот Сахра сидела на подушках – и вот лицо вспыхнуло от жгучей, от всего сердца отвешенной пощечины.

– Не смей говорить, будто он выжил из ума!

Слова так и просились на язык: злые, обвиняющие... Юноша промолчал. Только опустил голову.

– Вот! – Сахра бросилась к подушкам, скомкала и отбросила покрывало, запустила руки в пыль под половицами. – Смотри! – Она высыпала на пол горсть монет разного размера. – Здесь сорок шетитов, пять двойных, из Нагады, и один серебряк!

Девушка с гордостью показала тусклую белую монетку, рисунок на ней почти стерся, захватанный сотнями, если не тысячами пальцев.

– Бери! Тебе ведь они нужны! Для чего я таскалась по харчевням? Ну бери же, чего стоишь? Завтра я заработаю еще.

Джен не слышал. Опустившись на корточки рядом с сестрой, он взял из ее рук серебро, разглядывал вязь вытертых букв. Старая монета, отчеканенная при ас-Джаркалах, наверное, лет сто назад.

– Откуда это у тебя?

– Заработала, – задрала нос Сахра. – За один день. Пока ты возишься с выродками купцов, я...

– Откуда? – повторил юноша. Он с силой сжал ее руку.

– Сюда приходит не только голытьба, знаешь ли! Дворянчиков тянет, точно медом намазано. Собачьи, петушинные бои... И в Кобру играют на такие деньги, что нам не снились!

– И девочки стоят недешево, – в тон ей подхватил юноша.

Вдох. Выдох. Сахра молчит. Неужто ей нечего сказать?

– А если и так? Я заработала больше, чем ты, за один день! Одну ночь. Не знаю, как там дальше, а поначалу не слишком плохо.

– Считаешь себя героиней? – скривился Джен.

– Я считаю себя дочерью.

Сестра смотрела ему в глаза, и во взгляде ее не осталось злости, только спокойное упрямство. Джену же впору было взвыть в голос. Он и взвыл бы, встряхнул ее, тряс сколько нужно, чтобы вытрясти дурь, если бы не понимал: станет хуже. Уж он-то знал Сахру достаточно.

– Боги, ты же себя погубишь, сестренка, – выдохнул он.

– Интересно, кто погубит себя раньше: я под крышей, накормленная и одетая, или ты, когда тебя отправят на рудники? Или отец, с лопатой, на рытье каналов?

– Но ты должна понять...

Джен не находил слов. Всегда послушные, податливые, в самый неподходящий миг они его оставили.

– Ты зарабатываешь так, а я иначе, – Сахра пожала плечами. – Каждый делает это по-своему.

– Ты... ты выбрала неверный путь!

– Неверный? – Девушка рассмеялась. – Что ты об этом знаешь? Неверный путь – это когда нечего есть. Это мертвый отец, которому не закажешь доброго костра. Это когда таскаешься по улицам, а домой вернуться не можешь, потому что в кармане пусто.

То был, верно, страшный сон. И, словно во сне, Джен смотрел, как сестра спускается в общий зал, говорит что-то старику-разносчику. Как за стайкой таких же девушек наблюдает проницательного вида паренек.

Юноша напрягся, когда темноволосый щеголь в неброском, но несомненно дорогом кафтане подошел к женщинам. Он безразлично миновал ряд шлюх и остановился напротив Сахры.

– ...новенькая? – услышал из своего угла Джен. Сахра негромко отвечала, щеголь расспрашивал, другие девушки перешептывались. Сестра выплыла из «Лотоса» гордо, под руку с незнакомцем, а провожали ее завистливыми взглядами.

То был, верно, сон. Точно волшебную монетку из сказок, Джен теребил серебряк и не помнил, как тот оказался в кармане. Гладил едва различимый лик, в беспамятстве тер вязь иероглифов.

«Упрочившийся в свете, живущий вечно, Первый-в-Круге Аасим ас-Джаркал».

Утро было солнечным и пахло мятой. Как большая часть утр за восемнадцать с лишком лет Джена. Настал Пауни, последний месяц весны, и солнце взошло рано, скользнуло сквозь неплотно прикрытые ставни, позолотило кувшин и таз для умывания с неодинаковым рисунком. Это солнце разбудило его.

А потом парень крепко зажмурился, едва вспомнил вчерашний день.

Джен не знал, как он добрался до дома, как наплел чепуху отцу. Если с утра он оказался в постели, то лишь в силу многолетней привычки. Слово властная рука легла на голову юноши: затылок стиснула головная боль. Ребра еще болели там, где двое громил намяли ему бока, и лишь вмешательство Сахры не позволило им забить его до бесчувствия.

О боги! С нее ведь станется и вправду прийти и притащить еще монет. А он... все, что он может, лишь молчать и смотреть. И представлять холеного хлыща, подмявшего точеную фигурку. Или ублюдку нравится быть снизу? Юноша застонал.

В тот день отпрыски лавочников и ремесленников особенно раздражали, и все же нехотя, неуверенно, но Джен втянулся в рассказ.

– Вы наверняка знаете: до того, как стать Царем Царей, Азас Черный был князем южного из Пяти Пределов.

Юноша не обращал внимания на шепотки и ухмылки. Самым старшим ученикам едва исполнилось четырнадцать весен: уж конечно, свара за окном интересовала их больше скучных рассказов. Юноша продолжал. Он знал, что стоит прозвучать волшебным словом: «Ночь Лязга» или «битва на Реке Крови» – и будущие плотники, продавцы благовоний и ювелиры начнут слушать сосредоточенно, как внимают словам жреца. А уж он постарается представить жизнь прошлого царя чередой битв и завоеваний.

– А вот кто знает, почему колдуны проиграли?

Класс примолк, девять пар глаз уставились на юношу.

– Наверное... наверное, в Ночь Лязга почти всех перебили?

То был сын продавца тканей, самый младший из собравшихся. Джен только покачал головой.

– Все совсем не так, – мягко ответил юноша. – Совсем. Вельможи никогда не признают, но, по правде, колдуны и не могли взять верх. Так говорят все хроники, сколько их ни есть

в храмах. Они вовсе не так сильны, как хотели казаться. Это самая большая тайна колдунов... и самая большая тайна Царя Царей и присных!

Тут уж притихли все – даже те, кто постарше.

– Мой отец, лекарь Зейд, учился в храме Джаха́та, Небесного Писаря, – издали начал юноша, – и было это как раз после войны. Вот что рассказали тамошние хронисты. Что мы знаем о колдунах? – спросил Джен, обведя класс взглядом. – Мы знаем, что двести лет золотую маску царя надевали чародеи. Колдуны становились вельможами и придворными, рядились в шелка и бархат... Еще мы знаем, что они возводят дворцы и крепости, помогают войскам оберегать рубежи от закованных в металл варваров из Рассветных королевств. Мы знаем, что в стране множество чародеев, и все они могучи и могут больше нас, простых смертных. Так? – Дождавшись нестройного согласия, Джен закончил: – Так они хотят, чтобы мы думали.

Юноша перевел дыхание.

– И колдуны нам почти не лгут. На все Царство их и вправду наберется немало. Чего они не говорят, так это что большинство – травники, целители и мелкие чародеи. Им не то что дождь призвать... для них свой дом обогреть в сезон бурь и то большое дело. Конечно, некоторые колдуны были очень могущественны. Другие – просто умны и хитры. Подумайте сами... почему они жаждали власти и титулов? Почему колдуны владели копьями и виноградниками? А потому что их власть опиралась на слуг и золото, а не чары!

– Цари-колдуны очень долго правили, – подозрительно отметил сын ювелира. – Кто-то бы... ну... догадался, что они не так сильны.

– Правили. Потому что были царями, а не потому что были колдунами.

Отпрыска ювелира ответ не убедил, и Джен начал пояснять:

– Давай по порядку. По правде-то, после первых трех поистине великих чародеев цари-колдуны были не такими уж властителями. Предпоследний вот совсем мальчишкой. Его занимали стихи, роскошные дворцы и танцовщицы.

По классу пронесся сдавленный смешок. Танцовщицы – это юнцам понятно.

– Он даже колдовское обучение не закончил, – продолжил Джен, – когда скончался от хвори. Но дворцы ему возводили исправно, все новые и новые. И подати за них росли. А вот последний из царей-колдунов, его звали Аасим Хмурый. Он начал войну на востоке. И тут... да просто все совпало: засуха, два неурожайных года и эта война, которая все не заканчивалась... а подати продолжали расти. Вот тогда-то Азас Черный и другие князья провинции подняли восстание. И выяснилось, что вельможи в шелках и бархате не могут воевать! Одно дело сплести мираж, одурманить, а воевать – совсем другое.

– А как же колдуны, что в войске служат? – подал голос сын кузнеца. – Мой отец знал одного такого. – И тут же, поняв, что сказал, мальчик поправился: – Ну, то есть они же не друзьями были. Он сам в войске-то, мой отец... Вот и знал.

– Ты все верно говоришь, – успокоил его Джен. – Так же подумал и Царь Царей. Быстро заключил на востоке мир и отозвал войско. Но есть и вторая тайна колдунов. Они будто бы... выдыхаются. Вложат в чары слишком много – и валятся без сил. Куда уж тут за меч хвататься? Хронисты пишут, они покидали поле боя в носилках задолго до конца схватки. Да, в битве на Реке Крови они превратили берега в выжженную пустошь, это так. Но и всё! Над дворцами и крепостями работали дюжины чародеев: месяцы, а иногда годы. А собери тех колдунов и выстави против войска – они убьют сотню, две сотни врагов, но третья довершит дело. Колдуны не смогли переломить ход войны. А потом уже начались крестьянские бунты, погромы, и разъяренная толпа сожгла первую обитель чародеев. Это было на юге, в Амáрре. Вот и все. Колдуны не могли победить, какими бы силами ни владели.

В классе вновь воцарилась тишина. По стене ползла кружевная тень растущего под окном дерева.

– Это была жестокая и кровавая война, в следующий раз я расскажу о восстании побольше. Но эта тайна – тайна не только колдунов. Ни лучезарный, ни его придворные, бывшие князьки из провинции, а теперь вознесшиеся на самую вершину, – не признают ее, потому что чем больше живописуешь врага, тем больше твоя победа. С тех пор чародеи живут среди нас, но держатся своих обителей и подчиняются эдикту о Правосудии. Потому что помнят...

Занавесившая вход парусина откинулась, и в дверном проеме показался Мазрой, тот ювелир, чьего сына юноша переубеждал.

– ...помнят: нас, простых смертных, всегда больше, – на мгновение запнувшись, продолжил Джен, – и в любой миг мы сметем их обители к песчаным бесам. В последние годы...

Тогда-то ювелир и подал голос. Громко и отчетливо, чтобы перекрыть басом все, что мог сказать юноша, купец рявкнул:

– Довольно! На сегодня закончили.

Джен любил такие мгновения, когда видел, что ученики с сожалением покидают класс. Любил детское любопытство: густое, осязаемое, оно льстило, как оценивающий женский взгляд. Юноша хотел напомнить, что ювелир может забрать сына, но не остановить урок, когда увидел и других отцов.

– Здесь ваши родители, – обратился Джен к ученикам. – Закончим в следующий раз. Не забудьте, что будет не только история, но и счет.

Взгляд его метнулся к Мазрою. Два, три, пять человек... Все те, что собрались и в складчину наняли сына лекаря, сейчас стояли там, молчаливые и угрюмые, и отчего-то душа у Джена ушла в пятки. Пока дети собирали вошебные дощечки, обрезки пергамента и тушь, юноша застыл в неловкой позе, не зная, куда деть руки. «Сейчас случится что-то очень плохое». Он уже знал это. Равно как знал и что следующего раза не будет.

Отцы ввалились в комнату вслед за ювелиром, стоило последнему ученику покинуть класс.

– Так-так-так... – неприятным голосом сказал купец. – Что тут у нас? Рассказываешь детям про колдунов?

Торговец никогда не нравился Джено. С его полных губ не сходила липкая, слащавая улыбка. Бордовый изрядно засаленный халат туго натягивался на животе, и говорил толстяк презрительно, чего юноша никак не понимал. Ведь он же сам нанял не жреца, не книжника и даже не писаря! Если презираешь бедняка-учителя – найми другого! Но Мазрой предпочитал краснеть, потеть и поджимать губы, отсчитывая медяки.

– При всем почтении, господин, – как можно любезнее ответил Джен, – детям нужно знать не только счет и грамоту. Достойные учатся при храмах, там рассказывают историю, учат каллиграфии и тому, как складывать слова в поэзию.

– А ты в этом разбираешься не хуже вельмож. Не в пример нам, торгашам, – хмыкнул Мазрой.

– Вовсе нет, господин! – поспешил заверить юноша. – Но вы не станете отрицать, что мой отец образованный человек. Все, чему он меня учил, я передаю вашим детям.

Юноша скользнул взглядом по собравшимся. Торговец тканями прятал глаза. Мастер благовоний сложил на животе пухлые, нежные, как у его покупательниц, руки и смотрел вдаль. Кузнец, самый бедный из них, молча разглаживал складки чистой белой галибии. Он не смел показаться в таком обществе, не принарядившись.

Ювелир вытянул губы в трубочку.

– Кто учил твоего отца, мальчик? Бродячий сказитель? Гадальщик? Продавец козлятины с Речного базара?

Юноша вздрогнул, как от пощечины, но смолчал. Он успел вдохнуть и выдохнуть, прежде чем ответить:

– Я рассказал об отце всем, когда вы меня нанимали. Мой дед Зубар был лекарем в дружине Черного Азаса и спас жизнь лучезарному, когда того поразила отравленная стрела. В благодарность он получил вознаграждение и стал целителем здесь, в Джамае. Моего отца, тоже лекаря, учили жрецы из храма Джахата.

Его прервал смех торговца, похожий на треск грошовой погремушки.

– У меня есть друг, Бахри, он готовит тростниковую бумагу для палаты писарей, – вкрадчиво заговорил купец, и по спине юноши пробежал холодок. Бахри, это имя из самого страшного кошмара. Джен дорого бы дал, чтобы никогда его не слышать. Торговец между тем продолжил:

– Его жена недавно померла от укуса черепной мухи. Ее лечил Зейд, сын Зубара, и, скажу тебе, лечил без толку. Бахри нашел лучших лекарей, и что они ему сказали? Клянусь всеми бесами, ему сказали, что толстуху убивает не яд мухи, а лекарства! В гневе мой друг рассказал об этом своим друзьям и узнал, что Зейд лечил старика от болезни живота, и убил его, лечил парня, у которого загнила пораненная нога... твой ублюдок-отец отрезал мальчику ногу, но гниль дошла до сердца и убила его!

К щекам Джена прилила кровь. Отвечать было нечего, и он молчал, слушая, как, переходя на визг, тараторит купец:

– Бахри говорит, у твоего дома толкуются люди! Требуют деньги за убитых! Палата писарей пошлет твоего отца рыть каналы с преступниками! И я должен доверить тебе сына?

«Какой свинье доверял твой отец, когда воспитывал тебя?» – хотелось спросить Джена. Наверное, он бы даже сказал это. Он потерял заработок, ему опостылел жирдяй, осыпающий больного старика оскорблениями, надоели прячущие глаза родители.

– Господин должен деньги за этот урок, последний, – спокойно произнес юноша, едва торговец умолк.

Он догадывался, что ему не заплатят. Но если у него нет слов в защиту собственного отца, то должен же он отыскать хотя бы денег.

Над головой Джена голосили вороны. Неряшливые птицы считались спутниками Джахата, бога ученых и мудрецов, и со всей Джамаи слетались на храмовую площадь, где жрецы в плащах из перьев бросали им мясо. Близился Час Пыли, следующий за третьим пополуденным звоном, и уличные торговцы прятались в тени в ожидании вечернего наплыва покупателей.

«Храмовый круг заложен Аасимом ас-Джаркалом, первым из царей-колдунов. Лучезарный сам отмерял землю и проводил дуги и линии. Может, потому-то храмовый круг совсем не круглый», – некогда рассказывал Джен. И добавлял: «А может, потому, что владыка отмерял площадь в чистом поле, а теперь вокруг нагромодили зданий».

Парень поморщился, отгоняя воспоминания. Кто знает, когда еще он будет это рассказывать и кто его будет слушать?

Меньше всего Джена хотелось идти домой, хотя он знал, что именно так и следует поступить. Однако он брел наугад, куда глядят глаза, куда выведут ноги, не особо заботясь, куда его занесет. Тонкие белые иглы колоннады отбрасывали такие же тонкие иглы теней, протянувшиеся по позолоченной солнцем пыли. Казалось, тощие лошади и изнуренные ослы переступают по мерцающей дороге.

Идиот. Трусливый идиот! Не ввязываться в перепалку с торгашом – это хорошее воспитание. Да, как же! Как теперь показаться на глаза Сахре? Как возвращаться к отцу после всего, что он наговорил, но главное – не сказал и не вытребовал?

Кривые улицы сплетались, уводя все дальше от родных кварталов. Сперва храмы и торговые дома сменились районом старинных зданий и аллей, что пролегали меж особняками богатых, но незнатных горожан. Старый город был так тесен, что казалось, здесь нечем дышать. Джен почти обрадовался, когда вдоль улицы потянулся запах хлеба. Юноша ускорил шаг

в надежде проскочить Мучной квартал, где располагались харчевни, чайные дома и продуктовые лавки. Сегодня за пазухой не звенела мелочь, и он не мог, как прежде, зайти по пути домой в харчевню.

За Мучным кварталом дорога уходила вниз, и Джен не заметил, когда в лицо дохнуло рыбой, запахом водорослей и дегтя. Речной базар раскрыл непритязательные объятия, он принимал всех: и тех, кому не хватало денег на краюху хлеба, и посланцев из белокаменных дворцов по ту сторону реки.

Будто нарочно, мысли возвращались к мигу, когда Мазрой выплюнул:

– Ты свободен.

Парень не двинулся с места, и купец крикнул:

– Мы с тобой закончили! Убирайся!

Больней всего ранили не слова, а то, что в глубине души юноша понимал ювелира. Будь у Джена деньги, он бы и сам так поступил. Одно дело, если не можешь похвалиться именем известного книжника, и другое – скрывать, кто учит твоих детей. Конечно, он прогнал бы сам себя. Тут даже спорить не о чем! «Дурак... дурак! – твердил Джен. – Меньше бы разглагольствовал о царях с колдунами – мог бы стать незаменимым наставником! Научил бы писать вязью быстро, как секретари в палате писарей. Рассказал, как складывать в уме большие числа. Как бы они отказались от тебя? Хоть бы ты сам пробирался к больным и душил удавкой».

Широкая, с достоинством несущая мутные воды река успокаивала. Пьяные крики, ругань, матросский смех – все осталось в другом мире, а в этом был прохладный речной воздух, который так приятно глотать пересохшим горлом.

«Дурак...» – напоследок повторил юноша, дойдя до последнего пирса, где заборы и склады преградили дорогу. Вздохнув, он опустился на край причала и свесил ноги. На воде плавали маслянистые пятна, меж ними отражались подошвы его сандалий и худое скуластое лицо под встрепанными черными кудрями. Глаза, в жизни теплые, карие и задорные, там, в воде, казались черными провалами.

Должно быть, он задремал, прислонившись спиной к нагретому солнцем кнехту, потому что следующее, что он услышал, было:

– Пошел вон, попрошайка! Убирайся!

Над ним стоял бородатый мужик в зеленом халате, уже отведя ногу для хорошего пинка. За спиной незнакомца покоился на плечах носильщиков паланкин. Пока, слава богам, пустой – не хватало еще перейти дорогу достойному.

Вскочив на ноги, Джен хотел поклониться, но увидел, что ругательства застряли в глотке распорядителя. Лицо бородача скривилось, словно тот надкусил недозрелый лимон, взгляд его метнулся поверх плеча юноши.

Джен обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как навстречу идет широкоплечий человек в черном. Юноша не успел его как следует разглядеть, лишь на мгновение в лицо пахнуло терпким запахом благовоний. Проходя мимо, вельможа положил Джену руку на плечо, словно говоря: «Все в порядке, он мне не помешал», – и вот он удаляется, и все, что можно увидеть, – черные одежды и стянутые в косу темные волосы. Бородач-распорядитель угодливо семенил следом, расторопные слуги поспешили опустить носилки.

Еще не сбросив оковы дремы, Джен наблюдал, как паланкин тронулся в путь, а вровень с ним бежали выряженные, как на парад, охранники. Юноша обернулся к реке – и сонная одурь мигом выветрилась из головы. Зачем угадывать эмблему на вымпеле быстроходной галеры? Знамя было черным. В последние двадцать лет знамя этого цвета поднимали самые близкие к царской семье люди.

Черное знамя Азаса.

«Стоило вернуться пораньше», – подумал юноша, едва заведя родную калитку. А ну как Сахра приходила и снова сбежала в свой притон?

В крохотном дворике в последнее время росли два чахлых тамариска: ни цветов, ни лекарственных трав. Джен преодолел его бегом и, ворвавшись в дом, прислушался, не раздается ли звонкий голос сестры. Тихо, душно и полутемно, только гудит сонный шмель. Сердце юноши упало. Но было и малодушное облегчение: Сахры нет, а значит, объяснения откладываются на потом.

Он нашел отца в задней комнате, отгороженной цветастой льняной занавеской. Лежа на широкой скамье, старик читал. Кислый запах болезни пропитал все щели в бывшей мастерской, и Джен первым делом кинулся раскрывать ставни. Только когда снопы закатного света упали на порядком выцветшую бумагу, старик заметил сына.

– Как ты? – глухо поинтересовался Джен.

– Лучше. Гораздо лучше, – отец беззубо улыбнулся. – Чувствую, скоро смогу вернуться к делу.

Юноша отвернулся. Посмотришь на старика – обычный человек, разве что отощал совсем... а потом ляпнет такое, что впору хвататься за голову. Иногда отец не узнавал Джена, ночами вскрикивал от одному ему ведомых кошмаров, а днем прогонял сына, складывая пальцы в жест защиты от зла. Чаще всего он звал мать и удивлялся, почему та не приходит. Поначалу парень еще напоминал, что мать умерла, но вскоре понял, что толку никакого, а потому отвечал наобум или отмалчивался. Старик мог накричать, но чаще успокаивался, словно позабыв, о чем спрашивал.

– Это хорошо, – пробубнил Джен. – Дело – это очень хорошо.

В прошлой жизни, когда была жива мать, чужак и мечтатель Зейд решил, что ему нужен очаг для зелий, и потому мастерская его будет располагаться на кухне, и жить он станет там же. Поэтому парень мог, не отходя от больного, крошить овощи, чистить рыбу и краем уха слушать трескотню отца.

Тот вещал о веках до Завоевания, о джунглях и иноземных богах. Джен кивал и поддакивал. Он давно понял, что старик умирает, и каждый вечер честно слушал все, какую бы ерунду тот ни плел. Он пытался рассказать отцу новости, спорил и нередко засыпал прямо здесь же, на полу подле ложа. По сути, вся его жизнь – его и Сахры – свелась к тому, чтобы выстроить иллюзию спокойного угасания. Будто старик, не запнувшись, прошел отмеренный путь и теперь может откинуться на подушки и отправиться в странствие по миру теней.

– Как дела у Сахры? – спросил Джен, наблюдая, как отец ест. Старик с достоинством проглотил и лишь тогда ответил:

– Откуда мне знать? Я ее неделю не видел.

– Ты уверен? Она собиралась сегодня зайти.

– Может, я стар и слаб, но не выжил из ума, – сварливо откликнулся отец и вновь принялся за еду. – Кстати, вкусно. Твоя мать и то готовила похуже.

Юноша опустил голову, чтобы не выдать страх. От него не ускользнуло отцовское «готовила» – значит, старик в ясном уме. И, стало быть, Сахра вправду не приходила.

– Хорошо... – задумчиво протянул отец, отставив пустую миску. – Кабы не этот Бахри, было бы вовсе чудесно.

Парень вздрогнул, вновь услышав ненавистное имя. Похоже, отец чувствует себя не плохо, а прекрасно. Если тот и вспоминал изредка, кто разрушил их прежнюю жизнь, то с такой злобой, что Джена становилось не по себе.

– Скоро ты вернешься к делам, и тогда он заткнется! – пообещал юноша.

– Мы ведь наскребли денег на подарок? Судья доволен? Больше не будет разбирательств? – Зейд засыпал парня вопросами, но, услышав ответы, вытянулся на постели и зачем-то повторил: – Хорошо.

Джен молчал. Через окно доносилось дыхание большого города: крики зазывал, лай уличных псов, обрывки песен. Между тем мысли юноши неслись вскачь.

«Что ж ты делаешь, Сахра?» Это последние дни, когда можно посидеть с отцом, перекинуться парой слов. Каждый день последний! Он не может вот так, запросто, вскочить и отправиться на поиски. Нельзя беспокоить старика.

«Дура. Волоокая дура! Ты должна знать, что бордель – не просто неприятно, но и опасно! Клыки Мертвого бога, во что ты вляпалась?»

Словно в насмешку над его метаниями, старик вновь заговорил: так же протяжно и устало. Высоко подняв голову, он царственно возлежал на скамье, будто его окружали не пляшущие по стенам тени, а придворные, что прислушиваются к каждому слову.

– Это хорошо, что вы такие разные. Я имею в виду, ты и Сахра. Не спорь. Ты слишком уж похож на меня. Сахра будет отрезвлять тебя время от времени.

Должно быть, глаза юноши выдали удивление, потому что старик вздохнул, вынужденный разжевывать очевидное.

– Я всю жизнь считал, что мне здесь не место. У твоего деда было золото, и он немало на меня потратил. Пусть никто не называл меня достойным, я знал, что вот здесь, – он постучал по лбу сухим тонким пальцем, – у меня не меньше, чем у любого вельможи. А то и побольше, чем у некоторых. Я был тихим, спокойным... почти как ты. Я смотрел на торгашей и думал: боги, ну почему я родился в семье лекаря?

– Да мне это и не нужно было, – старик сомкнул пальцы на ладони сына и слегка подался вперед. – Иначе, поверь, ты бы не здесь сидел, а в Старом городе! У меня водились деньги, я разъезжал по храмам и покупал свитки и книги. Я осел-то, лишь когда встретил твою мать. Но и тогда упрямылся, и некому было меня разбудить. Чего уж... я все растратил. Береги Сахру, иначе закончишь, как я.

«Береги Сахру, как же! Для начала она должна изредка ко мне прислушиваться». Отец успокоился, сжимавшая руку юноши ладонь разжалась.

– Я запомню, – тихо произнес Джен, глядя в окно.

В небо над улицами выкатилась полная чванливая луна. Юноше вдруг стало ужасно одиноко рядом с отцом. Сахра была далеко, за полгорода отсюда. Старик же, пожалуй, сбежал и того дальше, блуждая в туманах своего мира грез. Сунув руку в карман, Джен сжал серебряный кедёт, единственную нить между ним и сестрой. «Упрочившийся в свете, живущий вечно, Первый-в-Круге Аасим ас-Джаркал».

– Я обязательно запомню! – серьезно пообещал Джен, возвращаясь мыслями в тускло освещенную комнатку. И закусил губу.

Старик обессиленно откинулся на подушки и прикрыл глаза. Рот его приоткрылся, словно во сне. Спустя пару ударов сердца юноша решил коснуться его шеи, пощупать пульс. Зачем-то схватил дряблую руку, начал растирать. Как будто это могло помочь.

– Не уходи, отец, – все твердил парень. – Ну же, возьми тебя бесы! Ты ведь живой, живой, живой...

Потом он просто прижал старика к себе. Нечесаная седая борода щекотала шею, глаза горели. Сидя на краю постели, Джен раскачивался взад и вперед, вперед и назад, обнимая отца, баюкая, точно маленького ребенка.

– Ведь ты живой, папа... Ты живой.

Вот только Зейд, сын Зубара, уже не мог ответить.

– Боги воплотились в вас, мудрый!

Самер улыбнулся и вслед за распорядителем ложи торговцев склонился в поклоне. Но, стоило дверям закрыться, улыбка сползла с его лица. Верховный маг пнул расшитую яркими цветами подушку.

Во-первых, ритуальная фраза служила приветствием чародеев, а не прощанием, но что возьмешь с торговца? Эта ошибка была забавной, в другой обстановке она повеселила бы Самера, но оставалось «во-вторых»: чиновник знал о его поездке больше, чем следовало.

Быстро же они! А ведь он едва приехал. В сущности, чародей еще осматривал отведенный ему покой, когда в дверях появился охранник. «От имени купцов города... поприветствовать в Джамайе...»

Вот уж приветствие так приветствие!

Ему отвели просторный дом на Дороге Богов, и с террасы открывалось зрелище, которое в самом деле стоило увидеть. Широкий, мощный алым камнем тракт тянулся меж двумя рядами статуй. Некоторые имели человеческие черты, другие были людьми с птичьими и звериными головами, а иные и вовсе напоминали чудищ. Скульптор высек в камне каждого божка и духа, что почитались в этих краях.

Несмотря на сумерки, на Дороге Богов толпились люди: продавцы украшений, слуги, стража, паланкины богачей. Конечно, это не толчея столичных рынков, но тоже немало. Встречались здесь и чужаки. Южане из давно потерянных провинций – в кричаще ярких одеждах и высоких шапках. Варвары из Рассветных королевств – светловолосые и бледные. Кто бы ни стоял за кровавым происшествием в обители чародеев, он выбрал место правильно. Затеряться в Джамайе легче легкого.

Должно быть, он слишком увлекся – Самер не слышал шагов и вздрогнул от звуков голоса:

– Как вам джамайское гостеприимство, мудрый?

Округлый говор, правильные интонации – лишь гортанное «р» выдавало уроженца островов. Верховный обернулся к чернокожему капитану.

– Сказал бы, но без ругани не выйдет.

– О Джамайе только и говорить, что на языке трущоб, – Ндафа пожал массивными плечами. – Но я не смею: и вы, и ваш батюшка годами учили меня манерам.

– Настанет день, когда ты меня превзойдешь. Ладно. Что ты узнал?

– Немного. Горожане ничего не знают. Сами понимаете: я не расспрашивал, просто ходил и прислушивался. И ничего.

– Как держат себя маги?

– Маги не толкуются в базарной толпе. Особенно теперь, – полные губы Ндафы изогнулись в ухмылке. – Наверное, сидят в обители и ждут. Как нашкодившие дети.

Самер фыркнул.

– Пока ты прислушивался, ко мне пришел гость из ложи торговцев. Говорит, я первый Верховный, посетивший их славный город. Заверил, как счастливы меня принять... – Ндафа сдвинул брови, и чародей кивнул: – Правильно хмуришься. Дальше он начал меня расспрашивать. Осторожно. Но купцы все знают. Слухи просочились за стены обители.

– Может, так оно и должно быть, – проговорил капитан. – Джамайя небольшой город, за пару дней слухи дойдут и до базаров.

– Наверное, – невесело согласился Самер. – Уладить по-тихому уже не получится.

– Давайте не будем загадывать, мудрый.

– Я не загадываю. Но ты должен знать об этом, потому и рассказываю.

Ндафа молча поклонился и направился к двери, однако в последний миг остановился.

– Думаю, вот что интересно. О чем в харчевнях толкуют, так это о вашем приезде. Чего я только не слышал! Что вы прижмете к ногтю местных колдунов. Что вы продались за золото

здешних купчиков и проворачиваете для них дела. Нет, говорят третьи, Верховный колдун-то – давний друг Царя Царей, да продлятся его годы. Если он чьи дела и проворачивает, то лучезарного.

– Даже так? – Самер склонил голову набок.

– Вот и я решил, что вам понравится.

Еще раз поклонившись, капитан вышел и притворил за собой двери.

Значит, и эти слухи начали ходить. Что ж, этого следовало ожидать. Закусив губы, чародей устремил взгляд вдаль.

Неприятность в обители чародеев, так говорил распорядитель ложи. Так можно сказать о нерадивом челядинце или захворавшем родственнике, да и то о дальнем. Понимал ли чиновник, что неприятность джамайских магов – не просто преступление и не жестокое убийство шлюх и нищих?

Купцам-то какое дело до магов, чего может хотеть денежный мешок? Поторговаться с Кругом, запустить руку в дела обители? Самер дошел до того, что задумался: может, и бедняк на причале оказался там неспроста? Например, дожидался прибытия галеры, чтобы доложить, кому следует?

Чародей бросил взгляд вдаль, где восходящая луна вычертила силуэт башен обители. Не копия – колья, поджидающие неосторожного. «Они ждут меня», – внезапно понял маг.

Эту мысль он отогнал подальше.

Самер смутно помнил день, когда увидел Царя Царей впервые. К наставнику прислали мальчика с глубоко посаженными глазами и неловкой походкой человека, вымахавшего на локоть за последний год. Старик тогда поклонился, да и поздоровался необычно: слишком любезно для простого ученика. Лицо учителя, грубое, как лики статуй в деревенских храмах, редко бывало приветливым, и Самера это заинтересовало.

Прошло несколько дней, пока он осмелился подступиться с расспросами.

Поначалу наставник на него наорал. Даже кулаком по столу грохнул. Но Самер назубок выучил повадки старого Газвана и просто ждал.

– Возьми тебя Бездна! Иана́д ас-Абъязид, сын узурпатора. Ну что, доволен теперь?

Воцарилось молчание. Даром что юнец, Самер понимал, какое признание вытянул, а вытянув, не знал, что с ним делать. Наставник нарушил тягостную тишину:

– Это воля самого Черного Азаса.

Их класс был пустой голой комнатой, в которой стоял грубый стол и две тяжеловесные скамьи. «Все прочее ты можешь ненароком разрушить», – говорил старик. Юношу здесь знобило, и по полу тянул сквозняк, но мурашки по спине у Самера бежали не от холода.

– Узурпатор... свергший царей-чародеев... захотел сделать наследника магом?

Будь он понаглее, отметил бы: «И почему я не удивлен?» Да нет, непременно бы отметил, но наставник заговорил прежде, чем он успел открыть рот:

– А если и так? Ведь нам же с того сплошная польза! Впрочем, Дара у мальчишки нет.

– Это еще хуже! – горячо воскликнул Самер. – Он никогда не станет одним из нас! А все, что узнает, обратит против Круга.

– Ты еще поучи меня, – едко заметил старик. Потом скривился: – Не знаю, не знаю... Может, узурпатор так и хотел. Но ведь это такой случай, понимаешь? Мы сможем повлиять на мальчика.

– Почему... почему вы мне все рассказали?

– Так ведь это не тайна никакая. Ну да, я не показываю его кому попало. Горячих голов у нас полно. Но высшие чародеи единогласно решили. Для них это не тайна, да и ты... вроде не так глуп, как хочешь казаться. Пойми, такой случай выпадает раз в поколение. После всего, что пережил Круг, это подарок судьбы. Понимаешь?

Нет, Самер не понимал. Не раз и не два он слышал истории о резне в Амарре, Сакáре, Ктуре, когда магов выволакивали из кроватей посреди ночи, а судили их нищие и пьяницы, набранные тут же, под зарево пожаров и крики «Азас!» и «Смерть!». В общем, чтобы возненавидеть выродка, у Самера было довольно поводов.

Во второй раз он столкнулся с владыкой спустя годы, наутро после того, как маги назвали его Первым-в-Круге.

Начавшаяся по календарю весна еще вступала в права. В сером небе громоздились тучи, словно сезон бурь и не заканчивался. Во дворец его не привезли даже – доставили, и стоило ему выбраться из носилок, припустил мелкий холодный дождь.

«Хорошее же знамение!» – помнится, подумал маг.

Несмотря на непогоду, первый внутренний двор отнюдь не пустовал: чиновники и гонцы спешили, не обращая внимания на морось. Сопровождавшие вельмож слуги несли промасленные пергаментные зонтики и фонари из цветного стекла. Самер впервые был во дворце и хотел получше все рассмотреть, но его спешно увлекли в лабиринт проходов и галерей, пока не вывели в садик, такой заросший, что чародей и не подумал бы, что здесь такие водятся.

– Самер сар-Алай, Первый-в-Круге и Верховный маг! – возвестил одетый в черное евнух.

Ответом ему была тишина. Или, может, дождь поглотил все звуки?

– Прошу, мудрый, – охранник говорил вежливо, но коснулся плеча чародея, недвусмысленно показывая, что ему следует идти. – Лучезарный ждет.

Да уж, не такого представления двору он ожидал. Но выбирать не приходилось. Маг думал, его ждет собрание: молодой царь редко появлялся на людях без советников, но владыка был один. Без маски, тот сидел в окружении трех жаровен, и красноватый свет бросал на его лицо диковинные тени.

– Мир вашему дому...

Владыка пресек его на середине фразы:

– Прошу тебя, садись. У меня тут вино, чай и булочки с пальмовым сахаром. Советую начать с чая, по погоде. Я бы и сам не отказался.

Интересно. Чем дружелюбнее тон, тем меньше маг ему верил. Тем не менее взялся за тяжелый глиняный чайник, разливая дымящийся настой.

– Ты, верно, думаешь: что это владыка учудил? – Царь Царей неопределенно взмахнул рукой. – А еще тебе вряд ли нравится, как дворцовая стража явилась в обитель и без объяснений увезла Первого. Ну как, я угадал?

– Нового Верховного всегда представляют двору, – осторожно ответил чародей. Он опустился в плетеное кресло напротив. – На самом деле я ждал, что меня вызовут, лучезарный.

Юноша улыбнулся и указал на стоящие меж ними блюда с пирогами и прочей выпечкой. Точь-в-точь гостеприимный хозяин. Впечатление портил острый взгляд: Царь Царей буквально впился в лицо собеседника, словно надеясь прочесть на нем мысли мага.

– Ианад, – проговорил владыка. – Давай на один звон обойдемся без «мудрых» с «лучезарными». Попробуем. Ианад и Самер, идет? Кажется, старик звал тебя Сай.

Чародей молча кивнул. Разговор вился, как тропинка в джунглях, и уводил все глубже в дебри. Разумней всего пока помалкивать.

– Ну вот и славно. А меня он звал Надж. Беда в том, Сай, что я не смогу поговорить потом, отсюда и спешка. У меня утекает отпущенное время, поэтому я возьму быка за рога. Я хочу предложить тебе сделку.

Самер бросил взгляд в сырую мглу за пределами беседки. Он вдруг понял, что земля усыпана старой листвой и сухими ветками, подойти к ним бесшумно невозможно. Тень мокрых ветвей надежно укрыла собеседников от посторонних глаз, а дождь шумел и смеялся, скрадывая голоса. Ему все меньше нравились и сад, и разговор, но царь ждал ответа, и чародей разлепил губы:

– Ваш отец договаривался с Кругом, когда взошел на трон. Смута закончилась. Я выслушаю все, хотя не обещаю, что стану заключать сделки.

Владыка... нет, Ианад без стеснения разглядывал мага. Царь бесовски повзрослел за эти годы: некогда детское лицо похудело и вытянулось, прямой нос заострился, а вокруг полных губ залегли напряженные складки. Проклятье, а ведь он даже не молодой мужчина... всего семнадцать, почти ребенок. Видно, престол и впрямь старит. Престол – и еще особый воздух дворца.

– Яйца Шеххана! – совсем не по-царски выдохнул вдруг Ианад. – Мы оба ждем подвоха, так? Я хочу понять, стоит ли начинать, а ты ждешь, чтобы я первым подставился. Ходим вокруг да около. А время идет.

– Старик бы рявкнул и приказал говорить, – усмехнулся маг, и Царь Царей вернул улыбку:

– Хотя сам был хитрющим старым шакалом. Ладно, слушай. Сделка очень простая. Мне нужны твой Дар и твоя поддержка. Я хочу вернуть трон. Взамен приложу все усилия, чтобы облегчить, а затем вовсе отменить эдикт о Правосудии. Вам ведь это нужно? Я помню уроки старика. Признайся, маги грезят о былой свободе!

Самер не принял приглашения порассуждать о Круге. Вместо этого он переспросил:

– Вернуть трон?

– Вернее, даже «получить», – юноша облизнул губы. – Я... не скажу про все Царство, но что говорят в столице, знаю. Новый царь еще так молод! Он недавно вступил в полную власть, мог наварить варева, но нет, он полагается на мудрых и опытных вельмож. Так вот, все не так. Я не полагаюсь, я вовсе ничем не управляю. Вообще. Или не так говорят? Скажешь, я не прав?

Конечно, признаваться вслух не стоило, но юноша не ошибся. В Круге говорили, что в Царстве правят три сановника, а вовсе не мальчик в золотой маске. И все же что ему сказать?

– Прошло... – Первый примолк, подсчитывая в уме, – семь месяцев, как вы вступили в возраст. Даже самая полная власть не приходит сразу. И положи руку на сердце, вы и впрямь молоды.

– Ты, – поправил Ианад. – Мы договорились, а звона не прошло.

Все было как тогда, почти как в те времена, когда оба учились у сварливого старого мага. Но царская маска, даже снятая, не исчезла. Точно призрак, она незримо присутствовала в беседке, повисла между ними в воздухе.

– Хорошо, ты, – скрепя сердце чародей кивнул. – И в самом деле молод.

Царь Царей помедлил, словно колеблясь.

– Ладно, попробую иначе. Проклятье, вот за что ни возьмись, все упирается в отца! – Он даже ладонью хлопнул по тростниковому подлокотнику. – Как будто до него ничего не было!

Самер развел руками. Впрочем, Ианад не заметил.

– Отец... подбирал странных людей, видишь ли. Заключал странные союзы. Может, это из-за восстания: когда тебя поджарят, если только поймают, знаешь, не до щепетильности. Но и после... жрецы-фанатики, жадные до власти владетели, таков был его двор. Может, они всегда здесь были? Не важно, кто носит маску, как сменяются цари, такие люди никуда не денутся, ведь это столица. Не знаю, – скривился юноша. – Пока отец был силен и здоров, он держал всех в кулаке. Но когда ослаб... ты сам помнишь.

Да, Самер помнил. «Как сел на трон, так же с него и слез», – говорили в Круге. Черный Азас засел во дворце на долгие семнадцать лет, и за пару лун сладкая хворь свела его в костер. Самер был учеником, когда столица погрузилась в хаос: вельможи Царства выясняли, кому быть опекуном царевича.

Ианад, конечно, тоже вспомнил те дни. Он встал и отошел ко входу, вцепился в по-зимнему костистые плети винограда, точно вымещая на них злость.

– До семнадцати моим соправителем должен был стать Мау́з, смотритель казны. Наш старик на него рассчитывал, оттого и поддержал. Уверен, они заключили сделку, которую я сейчас предлагаю тебе, иначе с чего бы меня учили маги?

– Царь Мауз умер, – заметил чародей, задумчиво глядя на владыку.

– Мауз? Его убили. Хорошо хоть учитель не видел! Старый шакал ушел в мир теней, думая, что обстригал все, что мог, что теперь и в Круге, и во дворце все пойдет как по маслу.

– Кто убил?

Ианад досадливо взмахнул рукой.

– Я не скажу, кто именно убил. Могу сказать, кто возвысился в считанные дни. Любезный дядюшка Ула́м, – начал он загибать пальцы, – князь нашего родового предела. Достойный Гарду́ш, дальний родич старой царицы. И Ми́зрах, сын прежнего высокого судьи. После кончины соправителя они стали моими опекунами и вручили себе посты советников Железного, Золотого и Бумажного дворов.

– Ты просто перечисляешь влиятельных сановников, – с невозмутимым видом сказал Самер.

– Погоди, я дальше расскажу. Это было пару лет назад, и я не сразу понял... просто однажды заметил, что мне никто не подчиняется. Даже слуги. Либо переспрашивают опекунов, либо выполняют, но докладывают. Я начал искать союзников и, знаешь, нашел много отзывчивых людей. Шутка ли, внимание Царя Царей! Пока мысли, которые я поверил старшему жрецу Великой Матери, не дошли до советников. Ну да, я хлопнул себя по лбу. Ясней ясного, искатели царской милости... они еще усердней ищут милость тех, кто действительно правит. Есть и те, кто готов поддержать меня, именно меня! Но как я их распознаю, со сколькими обожгусь? Я задумался, кому могу верить, и насчитал пятерых человек. Конюха, кормилицу и служанку матери отбросил сразу. Учитель истории умер. Не знаю, может, что и сам...

Юноша умолк, собираясь с мыслями.

– Пока что это четверо, – подсказал маг.

– У меня был старший друг. Вернее, Чедда назначили мне в товарищи, еще отец. Он из древней и надежной семьи, мы вместе учились верховой езде и бою. Как только я вступил в возраст, то тут же назвал его хлыстом столичной дружины. Глупец, я надеялся получить верные мне мечи. Он упал с лошади и сломал шею через две недели. Даже слуги во дворце сменились: кто уехал, кого поймали на краже... ну, ты понимаешь.

– Теперь ты Царь Царей, а они не опекуны. Всего лишь советники.

– Войска, казны и судов, – закончил Ианад. – Все прочее они тоже прибрали к рукам.

– Их можно снять. Просто выйди к народу. Вот увидишь, как...

– Да кто меня пустит? – всплеснул руками юноша. – Кто? Ты хоть знаешь, чего мне стоил этот разговор? Меня повсюду сопровождают восемь воинов. Четверо валяются в ноги: лучезарный, умоляем вас не идти. А еще четверо – загораживают проход. Лучезарный, режьте, казните, четвертуйте нас, но только мы не пустим!

Воцарилось молчание.

– Если со мной что случится, – уже спокойнее заговорил Ианад, – золотую маску наденут на дядю. Я даже гадал, почему не случилось-то, как они дотянули? Думаю, это потому, что их трое, а такой... поворот... разрушит их понимание напрочь...

Царь Царей вздохнул.

– Ну и вельможи тоже... они бы не проглотили. Ты пойми: все знают, что страной правит эта троица, за меня никто пальцем не шевельнет! К этому все привыкли. Но если один еще и станет царем, это будет через край. На месте советников я бы боялся перегнуть палку.

Самер молчал, не зная, что возразить.

– Не будь это глупо, я решил бы, что меня втягивают в заговор, – проговорил маг.

– А вербует заговорщиков сам Царь Царей, – юноша невесело рассмеялся.

– И ты решил, что можно верить мне?

– Старик... скажем, лестно о тебе отзывался, – Ианад пожал плечами. – Да, это было давно, а люди меняются, но у меня нет выбора. Да будь я проклят, ничего ведь не теряю!

– И что мне мешает отправиться к дядюшке?

– Попробуй, – владыка нехорошо усмехнулся. – Например, Мизрах ненавидит магов еще сильнее отца.

Сквозь дождь пробился голос гонга в святилище Атáмы, бога времени. Ианад скрестил на груди руки.

– Мое время кончается, мне нужно знать определенно. Да или нет?

– Из меня... выйдет плохой союзник, – решился на откровенность Самер. – Мой Дар силен, старик говорил, сильнейший за несколько поколений. Но Дар – еще не все. Высшие чародеи сошлись на маге без сторонников, чтобы не рисковать, а выдающийся Дар – всего лишь повод объяснить свой выбор. Мы в равном положении.

– У Первого-в-Круге развязаны руки, – отрезал Ианад. – Да или нет?

Чтобы потянуть время, Самер пригубил позабытый чай. В наступившей тишине пиала негромко звякнула о чеканный серебряный поднос.

Предложение было жестом отчаяния, а не западней – единственное, в чем маг не сомневался. В остальном же... Подставит он под удар весь Круг или найдет друга в так и так надвигающейся схватке? Насколько способен юноша, в свои-то годы: жизнь потрепала его и кое-чему научила, но выплывет он или потянет за собой на дно всех?

А главное, что это значит для него: не Верховного и не чародея, а Самера из рода Алаев, перевалившего за тридцать, из-за Дара лишенного всего, что он мог унаследовать?

– Ну так что, да или нет? – в третий раз спросил владыка.

На сей раз маг ответил.

– Ндафа? – глухо позвал Верховный. В свете факелов на шторы паланкина легла угловатая тень капитана. – Долго там еще?

– Квартала три-четыре, мудрый.

Самер сжал зубы, не давая стону сорваться с губ. Голова раскалывалась. Мерное покачивание носилок растревожило боль, пульсирующую по ту сторону глазных яблок. Над шпилями обители повисло невидимое, но оттого не менее зловонное облако выплеснутой на город силы – подобно монстру, вздернутому на пики.

Этого-то Самер и боялся.

Он догадывался, что чем ближе к месту преступления, тем хуже будет, в самом же обителище магов боль грозила стать невыносимой. Но он должен видеть собственными глазами! Сегодня. Несмотря на поздний час. От расследования будет мало проку, если он не поторопится и о происшествии начнут судачить на каждой площади.

Глава обители ждала Верховного на ступенях своей вотчины. Едва Первый-в-Круге ступил наземь, она опустилась на колени и коснулась лбом каменных плит.

– Боги воплотились... – пробубнила чародейка сухим надтреснутым голосом, не то мостовой, не то пыли, но точно не Самеру. Она была седой и согбенной, будто бремя власти склонило ее к земле, и, когда она говорила, казалось, кто-то водит клинком по старому трухлявому дереву.

Маг понимал, что на самом деле это не приветствие и не знак почтения – скорее, покаяние, но виски ныли так, что впору завывать, и Самер не сдержался:

– Простирания ниц вышли из моды, Хорáн. Вместе с ас-Джаркалами, – ну вот, он начал с резкости. Верховный постарался сгладить тон: – Прошу тебя, вставай! Я, может, и стал Первым-в-Круге, но всего две луны назад. Я не привык, что мне кланяются старшие.

Она медленно поднялась, опираясь на протянутые руки.

– Когда мы узнали, что ритуальные убийства совершались здесь, прямо в нашем доме, все были не в себе. Наговорили друг другу глупостей. Я вас понимаю, Первый. Пойдемте же.

По широкой лестнице они вскарабкались в молчании. Лишь когда двери обители сомкнулись за ними, Самер спросил:

– Есть что новое? Что-то, что мне нужно знать?

Хоран посмотрела на него печальными выпцветшими глазами.

– Должно быть, нет. Разве что ложа торговцев начала выпытывать, что происходит.

– Это я уже знаю. Очень не вовремя!

– Обитель не страшится торгашей.

– Боюсь, их не интересуется, чего мы боимся, а чего нет.

После душевной ночи в обители было зябко. Просторные коридоры и проходы пустовали, в нишах скрывались статуи царей и завоевателей, которых успели позабыть везде, кроме этих стен.

– В последние годы нас совсем немного, – проговорила Хоран, заметив любопытство Верховного. – Все больше магов стремятся попасть в столицу. Первое время там было безопаснее: мы боялись, что в провинции повторится резня. А после смерти Черного Азаса заговорили, будто юный наследник и царь Мауз благоволят Кругу. Молодые и способные едут туда, где больше надежд и краше будущность... Я помню, как здесь звенели голоса, Первый! Главой обители в те годы сидел брат самого лучезарного. Я была молода, много смеялась, а по ночам мы бродили вдоль набережных. Огни фонарей отражались в воде, как цветные бусы.

Морщины на ее лице стали глубже, и чародейка шумно вздохнула.

– Прошу меня простить, мудрый. Я уже не та бойкая женщина и все чаще живу минувшим. Наверное, преступники воспользовались тем, что нас мало. Столько помещений пустует, уследить за всеми невозможно. А вот мы и пришли.

Они добрались до просторной комнаты с окнами на реку. Низкий столик на гнутых ножках подобострастно присел меж креслами, свет колдовских огней играл на корешках книг в кожаных, парчовых и деревянных переплетах.

– Расскажи все, от начала и до конца, – попросил Верховный, устраиваясь в кресле. – Не забудь и то, о чем не сказала во время Зова.

– Я ничего не укрывала, – Хоран потянула за старый шелковый шнурок, призывая слуг, – хотя подробности могла запомнить. Но я готова говорить часами, если это поможет, мудрый! Для нас это был такой удар...

Утомленный ее размеренной речью, Первый невольно нахмурился. Чародейка это заметила и сразу перешла к делу.

– То, что делали преступники, называется «кормлением кровью». Или нечто близкое, я не скажу наверняка. Все знают, что в миг смерти происходит выброс силы, и вовсе лишенный сердца маг мог бы ее использовать. Говорят, за морем, в закатных землях, древние колдуны пили силу и кровь своих жертв. Не знаю... в хрониках пишут, в годы Царя Царей Версивара Царство пришло на Благодатные берега, и тогда там были запрещены древние и кровавые ритуалы. Что именно умели варварские чародеи, сейчас уже никто не знает. Старое Царство рухнуло, провинции потеряны, а хроники похожи на легенды.

Хоран умолкла, стоило в кабинете появиться слугам. Двое юношей с мягкими движениями подложили под спины собеседников подушки и расставили фаянсовые чаши, кувшин с вином и сласти.

– Я перечитал, что нашел про кормление, и кое-что мне рассказывал наставник, – едва слуги скрылись, Самер кивнул. – Если убить человека, ты поймашь слабую тень силы, большая часть просто рассеется.

– Потому я и говорю, что не уверена. Если под рукой нет загоня рабов... – Старуха повела плечами, не закончив.

– Как это произошло?

– Совершенно случайно, – Хоран уставилась в пространство. – Я сама просила о помощи старших чародеев, нужно было очистить с полдюжины помещений. Им не пристало заниматься грязной работой, но на молодежь в таких делах лучше не рассчитывать, все сделают спустя рукава. Мы застали их за убийством, здесь не осталось сомнений. С ними был резервуар силы, который они... наполняли... тем, что взяли из жертв. Должно быть, они поняли, что это никак не объяснишь. Завязалась схватка. Один из моих людей вовремя заметил резервуар и разрушил его. Нас всех встряхнуло, а в небо выплеснулось облако силы. Когда старшие чародеи пришли в себя, один убийца уже погиб, сила выжгла его изнутри, а двое других в беспамятстве. Если желаете, наши маги расскажут все сами. Вы можете войти в их сознание и увидеть их глазами.

– Желаю, но позже, – Самер коснулся ноющего виска. – Ты говоришь, преступников было трое? Кто они, откуда? Сколько лет?

– Один постарше, около сорока, еще двое совсем мальчики, не больше тридцати лет, – вспомнив, что Первый-в-Круге сам едва перевалил за тридцать, чародейка совсем тихо, чуть ли не шепотом добавила: – Простите, мудрый. Все трое не отсюда, их привели Путники. Наши Путники выискивают детей с Даром от Табры до Мерайи, а на север до предгорий. Один из крестьян, другой из семьи бродяг. Третий родился у шлюхи. Родичей в Джамайе у них нет. Все трое держались особняком.

– С кем общались из города?

Хоран разгладила на коленях складки белой кóввы.

– В этом-то и дело, что ни с кем. В последние две-три луны вовсе не покидали обители, а может, и дольше.

– Вас часто посещают горожане? В обители много простых смертных?

– Такое бывает, но изредка. Те, у кого родные в Джамайе, предпочитают бывать в городе, а не наоборот. У нас семеро слуг, все прочие – неофиты, как во время Азасова пленения, когда мы не могли покидать обитель. Я верю, что работа благотворно действует на учеников.

Опустив локти на подлокотники, Первый сложил руки домиком и коснулся губ кончиками пальцев.

– Видишь ли, Хоран, здесь у нас что-то не сходится. Преступники должны были с кем-то видаться, не сами же они все выдумали. За убийствами кто-то стоит.

– Кто-то стоит? – медленно повторила чародейка.

– Конечно. Есть обычное кормление кровью, знание, которое бездну лет считают запретным. Мы думаем, это омерзительно, это похоже на людоедство. Круг, во всяком случае, его знает, а самые сведущие могут кормление исполнить. Но ты сама признаешь: здесь нечто новое. Новое тоже можно открыть, в конце концов, мы маги. Но для этого нужны исследования, опыты... ведь не с первого раза получится. Этого не было. Или было, но где-то еще.

– Мы осмотрели их комнаты. Еще прежде, чем я послала Зов.

– И ничего не нашли, я помню. Хотя, конечно, я еще раз посмотрю сам.

На мгновение на лице старухи отразилось отчаяние. Впрочем, Верховный не поручился бы, искренне оно или всего лишь притворство.

– То, что вы говорите, ужасно, мудрый. Такое отвратительное колдовство!.. Кто может стоять за этим?

Вопрос был риторическим, но Самер ответил:

– Кто угодно, Хоран. Кто угодно. Если бы я знал, кого винить, я бы начал с него, а не с этой беседы.

Глава обители являла собой воплощенную скорбь. Впрочем, Самер и не надеялся прочесть ее лицо. Маг встал.

– Не стану утомлять тебя, Хоран. Час и так поздний. Позови кого-нибудь, кто проводит меня к пленникам, а потом покажет комнаты.

Глава обители протянула тонкую кисть к шнуру, когда Первый остановил ее.

– Последний вопрос, если позволишь. Я заметил, ты не пользуешься чарами и не страдаешь из-за облака силы...

– Мы второй день пьем настой имирры, он приглушает Дар, но с ним и чувствительность. Через несколько дней облако само собой рассеется.

– А это разумно? Может статься, есть еще преступники, с таким же резервуаром, и в нем заключена та же мощь. Вы же полностью лишились чар!

– Иначе нам пришлось бы покинуть дом, – развела руками чародейка. – Я очень долго размышляла. Но верней всего было закрыться от внешнего мира, хотя бы до вашего приезда. Может, торговцы потому и беспокоятся, что потеряли связь с родными.

«Торговцы беспокоятся, потому что знают – произошла *неприятность*». Мягко стелет, сказал бы Ндафа...

Провожатый появился через минуту: совсем юный, с бритой, как у жреца, головой и в бирюзовой ковве Зала Волн. Он провел Самера по гулким лестницам и бесчисленным пустым переходам, через внутренний двор, где в ночной тиши над бассейном шептались тополя.

– Мы поместили их в Алид, – подал голос молодой маг, – там они не смогут применить Дар, даже если очнутся.

Самер кивнул на ходу.

– Алид, – замялся провожатый, – так мы зовем...

– Я знаю. В старом Царстве так звучало слово «забвение».

– Да, яма забвения. Раньше туда бросали пленников и забывали о них. Пока те не помрут от жажды или их не съедят крысы.

– Крысы все еще там? – усмехнулся Первый.

Мальчишка смутился и замотал головой.

– Все здание перестроили! Наверху теперь обитаем мы, маги-защитники, а внизу построили темницу. За звон выпьет кого угодно, – в голосе его звучало почти ребяческое хвастовство. – А если попробовать в ней колдовать – так вмиг!

Мы, маги-защитники? Верховный бросил на спутника короткий взгляд. Да, такие есть в любой обители – вернее, появились после смуты, в столице их было полторы сотни. Владеющие сильным Даром, тренированные, довольно часто они бывали молоды, но все же не желторотые юнцы, которым бы еще ходить учениками. Все, что делала Хоран, не переставало удивлять: назначить защитником мальчишку, отказаться от Дара после такого происшествия... Оставалось надеяться, что это безбрежная глупость, а не замысел. Он подумает об этом, когда останется один.

Пленники находились в здании из серого растрескавшегося гранита. Резьба на поддерживавших потолок колоннах изображала духов и языки пламени – должно быть, так зодчие представляли себе царство теней. Внутри уже ждал целитель. Он был стар, хотя еще не превратился в развалину, как Хоран.

– В каком они состоянии? – спросил Самер, пока они спускались в клетке, а цепи звучали визгливыми резкими голосами.

– Алид выпивает их силу, так что они слабы, – ответил целитель. – Но после разрушения резервуара оба пленника без сознания. Я этого не понимаю, мудрый. Одного убийцу сила выжгла насквозь и потрепала тех, кто их поймал. Почему беспамятство?

– Мы выясним. За два дня ничего не изменилось?

– Нет, они будто спят. Мы поим их со смоченной в воде тряпицы, но они не едят. Так недолго и помереть от истощения.

Наконец клетка остановилась, и свет факела выхватил из темноты распростертые на каменном полу тела. С первого взгляда они казались покойниками: щеки запали, глаза незряче

установились во мрак. Целитель закутал пленников в одеяла, а у стены стоял жестяной поднос с остатками еды.

Присев на корточки, Самер положил руку на грудь того, что постарше. Расширившиеся зрачки дрогнули, когда над ними мелькнула ладонь мага.

– Его зовут Арусай, мудрый. Из Зала Камня, – голос юнца звучал неуверенно. – Но, если по правде... у нас в Зале Камня семь человек. Так мало, что каждый сам по себе.

– А этот?

Мятущийся свет скрадывал черты второго пленника, на месте глаз и в складках губ залегли чернильно-черные тени.

– Дэйжи. Они были учителем и учеником. А третий, погибший, он как раз особняком ходил. Начал с ними водиться совсем недавно.

– Я попробую с младшим, – произнес Первый. – Пожалуй, его полегче расколоть.

Чародей закрыл глаза. Глубоко вздохнул, словно перед прыжком в воду, и мысленно коснулся символа своей власти, перстня в виде змеи, овившей палец.

Старый целитель охнул. Самер не обращал внимания: он потянулся к заключенному в кольцо вместилищу силы и еще глубже нырнул в бездну, полную сияния и ярких зарниц. Начертанные на стенах символы полыхнули холодным злым светом. Здесь, на изнанке мира, Самер видел, как от него к знакам потянулись мерцающие щупальца – это его сила стремительно утекала, покидая телесную оболочку. Только то, что он одновременно «пил» из перстня Верховного, и поддерживало его.

Действовать предстояло быстро. Стоит чуть-чуть замешкаться и... Нет, некогда об этом думать!

Яма забвения славно поработала над Дейжи: дух его на Изнанке был не более чем зыбкой фигурой, подрагивавшей на невидимом ветру. Почти такой же прозрачной, как отражения неодушевленных предметов. Самер впился в призрачное тело пленника, обвил его своей силой, как удав жертву.

«Кто научил тебя кормлению? Кто еще замешан в убийствах?»

Дейжи всхлипнул и попробовал высвободиться.

«Отвечай своему Верховному! Кто научил тебя кормлению?»

Дух мага забился в его хватке, как птица в силках. Самер даже подумал, что долго тот не протянет, да и собственные силы уходили быстрее, чем он рассчитывал.

«Ну же. Отвечай! – Маг еще крепче сжал объятия. – Кто научил...»

И вдруг почувствовал, что обращается не к тому. Во тьме был еще кто-то, кроме Дейжи, ученика Арусая. Самер всего на миг ослабил хватку, и его тут же вытолкнуло обратно, к чаду одинокого факела, от которого слезились глаза, и сырому камню под коленями.

Несколько мгновений Первый сидел, тяжело хватая ртом воздух. Укладывая в голове услышанное... почувствованное – простые слова плохо подходят для Изнанки. Не померещилось ли?

– Что с ним? – прозвучал надтреснутый голос целителя. Первый поднялся на ноги и тут же пошатнулся. Перед глазами плясали цветные брызги.

– Это не беспамятство, – хрипло проговорил Самер. – Это магия, которая держит их... очень глубоко внутри.

– Магия? Здесь, в Алиде?

– Похоже на то. Я не могу объяснить лучше, – ему и говорить-то было трудно, не то что разъяснять. Должно быть, целитель догадался, каково ему:

– Пойдемте скорей, мудрый! В Алиде не стоит долго находиться, даже если не колдовать, а вы...

Самер позволил старику взять себя под руку и увлечь к клетке подъемника. Юнец-защитник поднял факел высоко над головой, напоследок вглядываясь в лица пленников.

– Попробуйте накормить их. Скажем, мясной похлебкой, – через силу говорил Первый, пока они устраивались в тесном зарешеченном пространстве.

– Конечно, мудрый! Я понимаю, что они вам нужны, – кивал целитель.

– И поите почаще. Можно поднять их в клетке на половину глубины. Там, повыше, знаки Алида не так сильны.

– Конечно, мудрый!

Старик дернул за канат, трое дюжих парней наверху налегли на лебедку – и цепи взвыли, увлекая их вверх: туда, где уже занимался рассвет.

3

Джамайя, лекарский квартал, 11-е месяца Пауни, ночь

Джен не знал, сколько времени прошло, он сам чувствовал себя покойником. Точнее, поначалу-то он ничего не чувствовал: ни цинковки под собой, ни жара, ни холода, ни даже запаха похлебки, которая все еще доходила на очаге. Он смотрел на безжизненное тело и не мог поверить, что это отец. Знал, что старика уже нет, и не мог понять: как это – нет? Разве так бывает? И что это значит?

Диковинный звук, за которым щерится пустота.

Прошли часы или годы, когда он смог, наконец, оторвать взгляд от покойника и понял, что уже не в силах взглянуть в ту сторону. В открытые ставни заглядывала любопытная луна. Похлебка кипела и плевалась, негодую, что о ней забыли.

Медленно, словно под действием черного дурмана, юноша встал.

Когда умирала мать, он был слишком мал, чтобы это понимать. Он до сих пор помнил ее тяжелый свинцовый взгляд. Еще мальчик, Джен тогда входил в ее комнату, потому что его приводил отец, и не знал, куда деваться. Почему-то мать не говорила с ним – это сейчас он понимал, что слова давались ей с трудом, она просто лежала и смотрела, и от ее взгляда становилось так тяжело! – а тогда Джен сбегал и не мог взять в толк, почему его раз за разом приводят в эту полутемную затхлую каморку.

Чего он не видел и не знал, так это как мать их покинула. Отец нарочно придумывал тысячи оправданий, почему доброй Мири с ними нет. Она просто ушла – очень далеко и очень надолго. Даже когда Джен подрос достаточно, чтобы понять, что ушла она в странствие по миру теней, даже тогда он не знал пустоты, которая ухмыляется из полумрака – там, где только что лежал живой человек.

Встать-то он встал, но взгляд его остался бессмысленным, скользил по стенам. Еще пару минут ушло, пока в голову не закралась первая робкая мысль.

И эта мысль была о Сахре.

Нет, он не вспомнил, что сестра запропастилась, обещала прийти – и затерялась в Глиняном городе. Просто она оказалась единственным человеком, который для него существовал.

Джен испытал подлинное облегчение, вдруг очутившись на улице. Ночной воздух прянул в лицо. Скрип телеги и щелканье кнута казались музыкой. Пустота осталась за спиной, в доме. Он обязательно войдет туда опять, но... не сейчас. Сейчас он должен отыскать Сахру. Сказать ей.

Ему повезло: те, кто заступил бы ему дорогу ночью в Глиняном городе, никогда не останавливают бегущего человека. Джену казалось, что улицы Джамайи пусты, только мыши и ящерицы бросались врассыпную. Харчевня была на том же месте, но юноша едва не проскочил ее. В пыли у дверей ползал горбун, вымаливая подаяние. В воздухе витал сладковатый запах отбросов. Сквозь закрытые ставни верхних этажей прорывался медный звон цимбал.

Юноша толкнул дверь и очутился в самой чадной из преисподних. Пока он шел меж лавками и столами, он словно продирался сквозь паутину разговоров. Никто не остановил его, любопытные взгляды скользили по парню и уходили в сторону. Что-то было в его лице, он и сам это знал, пробираясь через толпу к старику-разносчику.

– Сахра наверху? – спросил он, взяв того за локоть и рывком развернув к себе.

В прошлый раз дед опасался юнца в добротной одежде, но теперь устался на Джена с ужасом. Отпустив старика, парень направился напрямиком к лестнице. Крысеныш с бегающим взглядом, что вчера присматривал за шлюхами, попробовал преградить дорогу – его Джен просто оттолкнул.

Ночью, в самую горячую для «Лотоса» пору, наверху оказалось не в пример светлее. Толстые благовонные свечи выстроились вдоль стен, от ароматного дыма воздух стал тяжелым и вязким. В чересполосице света, тени и фимиама Джен не сразу разглядел матрону с белым от пудры лицом. Она выступила навстречу, подобно призраку.

– Господин желает отдохнуть? – спросила она мягким грудным голосом.

Если бы в ее словах проскользнул страх или она попыталась преградить дорогу – Джен и ее бы отбросил прочь. Однако голос словно надломил юношу. Он хотел объяснить, но слова застряли в горле, а воздух стал колючим и жестким. Джен судорожно глотал его и не мог отдышаться.

– Ты ведь... господин брат Сахры, – проговорила матрона.

На мгновение Джен зажмурился, переводя дыхание. Силы покинули его, в боку нестерпимо кололо, а колени тряслись от напряжения.

– Мне нужно ее увидеть! – сказал он и не услышал собственного голоса.

– Я... не могу, – казалось, женщина колеблется с ответом. Юноша схватил ее за руку и притянул к себе.

– Я заплачу! Сколько нужно, только скажи цену! Мне нужно ее видеть!

Взгляд ее метнулся за спину Джена, парень услышал, как громяют по лестнице шаги.

– Отпусти, – тихо и твердо сказала она. Пальцы юноши разжались. Он привык подчиняться приказам, а от женщины исходила спокойная властность царицы, пусть даже царицы шлюх. – Все в порядке, – громко произнесла она, – этот человек пришел по делу.

Трое громил – быть может, те самые, что накомостиляли ему вчера, когда он пытался забрать Сахру – устали на них сальными взглядами.

– Я сказала, пришел по делу! – повторила женщина. – Ко мне, а не к девочкам.

– Но Фарак... – начал было один. Матрона оборвала его:

– Ваш Фарак опять наделал в штаны. Убирайтесь! Вон!

Ругаясь и проклиная старую подстилку, громилы стали спускаться обратно.

– Мне нужно... – хотел сказать юноша, но женщина легонько шлепнула его по щеке.

– Если начнешь снова, я позову их обратно. Пошли.

Джен позволил увести себя в дымные глубины коридора. Он думал, что проститутка ведет его к сестре, но они прошли мимо комнаты Сахры, завернули за угол, минуя все новые двери. На юношу обрушилась какофония звуков: стоны, вскрики, смех, музыка.

– Садись, – приказала женщина, когда из полутьмы вынырнула оббитая парчой скамейка. – Только осторожно, эта рухлядь старше меня.

Джен сел, и перед ним оказалась эмалевая пиала с редким разбавленным вином, матрона присела перед ним на корточки.

– Сахры нет в «Лотосе». Даже если б я могла... нет, я не знаю, где она сейчас.

Понадобилось два глотка, пока до парня дошел смысл сказанного.

– Я понятия не имею, где она, – опередив вопрос, сказала женщина. – Ты можешь обойти все комнаты, но, боюсь, тебе не хватит денег.

Только сейчас Джен по-настоящему разглядел собеседницу. «Боги, а ведь она не так уж стара!» Она была худа и с годами утратила былую округлость, но это белила и резко подведенные глаза старили проститутку.

– Тогда как...

Матрона резким движением расправила накидку на плечах.

– Говорю же, я не знаю! Я здесь, чтобы принимать плату, а не следить за всеми. За порядком присматривает Фарак с парнями. Можешь спросить у них, но они не ответят... Старый Сах крутится в зале, но вряд ли смотрит на девочек. Его яйца отсохли еще при царях-колдунах.

Джен молча слушал. Пиала опустела, и он сам не заметил, что глядит на матрону во все глаза.

– Не пялься на меня! – вдруг разозлилась женщина. – Мне плевать, что там у тебя за беда. Все, что меня волнует, – это Сахра. Девочка заслуживает большего, чем притон для богатеньких сынков.

Юноша отвел взгляд, но матрона заговорила примирительно:

– Ну, есть у меня одна подопечная, Саземé... Они с Сахрой работали вместе, целую луну. Еще до того, как твоя сестрица пришла в «Лотос». Но ее время придется оплатить.

– Сколько?

Матрона вновь усмехнулась.

– Саземе стоит недешево, ты поймешь, как увидишь. Скажем... семь по десять шетитов. Фарак убьет меня, когда узнает.

Лихорадочно, боясь, что она передумает, юноша нащупал под рубашкой кошелек.

Саземе и впрямь стоила своих денег: тонкая, как стебелек, и темнокожая, как самое черное эбеновое дерево, – она была одета лишь в панталоны из полупрозрачного шелка и лоскут ткани на груди. Шлюха убрала волосы в металлическую сетку, а глаза прикрыла позвякивавшей вуалью из бронзовой проволоки и крохотных подвесок.

Кошелек Джена изрядно отошал, когда они покинули харчевню. После гомона и дымного полумрака на улице царила звенящая тишина – даже горбун куда-то делся. Доносившиеся изнутри голоса и треск систра подчеркивали безмолвие ночных трущоб.

– Я думал, нам только поговорить, – немного смущаясь, произнес Джен.

– Ты ведь ищешь сестру? – Девушка склонила голову набок, рассматривая юношу. – Она у меня. Или ты передумал?

– Нет-нет, пойдем!

Джен непроизвольно протянул ей руку, помогая преодолеть ступеньки, что спускались к вросшей в землю двери. Саземе хихикнула, принимая помощь. Оказавшись рядом, она прижалась к юноше, Джен боком чувствовал теплую податливость ее тела.

– Господин хорошо воспитан, – заметила она. – Редкая особенность для клиента.

Джен понял, что краснеет. Он попытался отстраниться, но Саземе обняла его, увлекая в лабиринт проулков.

– Тебе стоит прикрыться, – пробормотал он.

Выходя из харчевни, девушка набросила плащ, но умашенное лицо блестело в лунном свете. И эта треклятая вуаль... «Вот и Сахра тоже. Неужели все шлюхи так беспечны?»

Девушка громко рассмеялась, ее смех отдался эхом меж глиняных заборов. Разбуженная звуками ее голоса, залаяла собака.

– Дурачок, между тобой и ножом в бок стою только я, – проворковала она. – Никто не тронет девочек Фарака. И его клиентов. Улыбнись, иначе нас спутают с обычной парочкой.

– Ты шутишь, – на всякий случай Джен и впрямь улыбнулся.

– Как угодно господину, – она повела плечами, отчего плащ распахнулся еще шире.

Несколько минут они шли молча. Издали, точно из другого мира, донесся приглушенный расстоянием удар гонга в храме Атамы.

– Кто этот щеголь, с которым ушла Сахра?

– Щеголь... – Саземе наморщила носик. – А, поняла. Ты, верно, про Зéваха. У него отец – какая-то шишка в ложе торговцев, я даже не знаю точно.

Юноша сдавленно выругался.

– Увести девушку к себе стоит дороже, чем время в «Лотосе», но Фарак разрешает, если хорошенько приплатить. У нас с Сахрой уговор: при случае она возвращается ко мне, она частенько у меня оставалась. Да и что делать в «Лотосе» к утру? Работники спят вповалку, ни поесть, ни отдохнуть. У меня хоть можно выспаться.

«Сколько же я о тебе не знаю, сестренка? – подумалось Джену. – Боги, целый месяц ты лежала за деньги, а мы с отцом и не догадывались!» Почему-то именно теперь ее ложь ранила особенно глубоко.

Юноша вновь нащупал в кармане серебряный кедет.

А ведь она обижена, подумал Джен. Наверняка обижена! Почему бы еще Сахра не пришла домой? Дуется на вчерашнее его упрямство или на слова о слабоумии отца. «Ты идиот! – Если б мог, Джен бы сам отхлестал себя по щекам. – Ей и так несладко, мог догадаться, что стоит говорить, а что нет».

– Пришли.

Саземе скользнула в сторону, только пряный аромат духов остался витать в воздухе. На мгновение Джен потерял ее в темноте, пока девушка не окликнула его свистящим шепотом. Теплая маленькая ладошка нашла его руку и потянула за собой.

Под ногами захрустели битые черепки, высокие стены заслонили небо, и Джен на ощупь пробрался в коридор, запнулся и едва не расшиб лоб о крутые ступени.

– Тихо! – прошипела из темноты девушка.

Юноша так и не понял, как Саземе отыскала комнату в полном мраке. Он догадался, куда они пришли, – то были коробки из старого кирпича-сырца, что лепились вдоль реки. Лепились, теснились, налезали друг на друга, чтобы вместить все больший муравейник самых нищих и обездоленных.

– Сахра? – негромко окликнула девушка, откидывая в сторону замусоленную занавеску. – Просыпайся, пришел твой брат!

В пустое окно без ставен виднелась река и затаившиеся в темноте громады складов. Лунный свет серебристым полотном лег на пол комнаты, выхватил из мрака посуду, аккуратно свернутую одежду и бесформенные комки одеял.

– Сахра! – прикрикнула Саземе. Она присела на корточки и затеплила крохотный огонек лучины.

Ночь расхохоталась ей в лицо пьяным смехом загулявшего матроса. Комната была пуста.

– На вот, выпей.

Выудив из-под одеял полупустой бурдюк, Саземе всучила его юноше. Джен сделал осторожный глоток и задохнулся от крепости пойла.

– Да уж, понарасказывал ты прилично, – протянула девушка. – Не завидую. Но так ведь не бывает, чтобы получать от богов одни пинки да зуботычины... Так что будут, будут и подарки. Найдем мы Сахру, – она вытянула руку и коснулась его колена.

Они сидели на полу, друг напротив друга, а, собственно, сидеть больше было и негде. Мебель в каморке заменяли груды потертых подушек да кипа одеял.

Юноша собрался с силами и сделал еще глоток.

– Я-то догадывалась, что Сахра не привыкла жить... ну... так, – девушка неопределенно мотнула головой. – Она никогда не оставалась на ночь: так, пережидала, отсыпалась. Да и вообще! Это чувствуется, когда привыкнешь к чистому домику, пусть и не в районе богатеев.

Джен глубоко вздохнул. Он уже жалел, что поддался слабости и наговорил лишнего. Не нужны ему ни сочувствие, ни утешение! Единственное, что его интересовало, – это сестра.

– Знаешь, а ведь она вполне может объявиться, – словно подслушав его мысли, сказала девушка. – Вот заявится сюда или домой. Смеху-то будет!

Парень мрачно покачал головой.

– Не будет. Ты говоришь, она собиралась вернуться утром и не вернулась, – начал загибать пальцы Джен. – Хотела прийти к отцу и не пришла. Должна была заступить в «Лотосе» этой ночью – и тоже нет. Целые сутки, даже больше. Она просто исчезла.

– Ну, когда ты так говоришь... да уж, невесело выходит. Я могу вернуться и поспрашивать девочек, – предложила Саземе.

– А этот Зевах... – старательно проговорил Джен. После долгого дня вино быстро ударило в голову. – Получается, он последний, кто ее видел?

– Получается так, – Саземе прищурилась. – Постой, ты что это... хочешь его искать?

– А что еще делать?

Девушка встала. Сцепив руки, прошлась туда-сюда. Впрочем, в клетушке особо не походишь, так что она вскоре высказала:

– Он опасный тип, этот Зевах! Может, лучше я поспрашиваю?

– Что значит опасный? Что ты о нем знаешь?

– Ничего я не знаю! – Она закрыла лицо руками, умолкнув на долгие два вдоха. Наконец, Саземе опустила руки, сжав кулачки так, что побелели костяшки. – Ничего особого. Все так говорят, но я не знаю, откуда пошло. Но ведь он и вправду... он похож на опасного типа, да?

По мнению Джена, тот походил на богатенького хлыща, но вслух юноша спросил:

– Значит, вы отпустили Сахру с каким-то... про которого ходят слухи...

– Он платит золотом! – ошетинулась Саземе. – Слышишь? Зо-ло-том. Каждый раз – это праздник для Фарака. И для нас тоже. Были у него две любимицы – так они купались в роскоши!

– Были?

– Ушли в последние недели. Но, если б мне так повезло, я б тоже ушла! Думаешь, я не хочу забыть все это? – В свете одинокой лучины глаза девушки зло поблескивали из-под вуали. – Да, если хочешь знать, я все локти обкусала, что Сахре повезло, а мне нет!

– Ты знаешь, где он живет?

– И что ты сделаешь? Заявишься к нему? Потребуешь вернуть сестру? Да тебя на порог не пустят! Накостыляют, и хорошо, если не убьют!

– Пожалуйста, скажи, где он живет, – мягко повторил Джен. – Все, что я хочу – сходить и посмотреть. Если я поброжу в округе и посмотрю по сторонам, никакого вреда не будет, правда же? А ты вернешься и поспрашиваешь девочек.

Саземе задумалась.

– Райджа говорила, дом такой роскошный, что даже стены сада украшены мозаикой. Иногда она ему прислуживала... ну, как будто служанка... и с террасы смотрела, как скользят по каналу лодки богачей. Она еще поглядывала, как там одеваются, в Светлом городе.

– В Светлом городе только один канал.

Джен встал – и замер на мгновение, пережидая, пока шум в ушах стихнет.

– Постой! Ты что, собрался туда идти? Сейчас?

Парень осторожно отцепил от рукава ее пальцы.

– Я просто поброжу и поглазею по сторонам. А завтра загляну в «Лотос» и все расскажу. Хорошо?

Саземе молча смотрела на него снизу вверх: глазами такими большими и такими испуганными, что Джелу стало не по себе.

– Не бойся, – догадался, в чем дело, парень, – никто тебя не тронет! И неприятностей не будет. Я ведь не стану ни во что влезать.

Плечи Саземе поникли, она как будто враз лишилась сил. Он даже понимал девушку: в ней боролись желание помочь и страх такой сильный, что лишал воли. «А этот Зевах и впрямь опасен. Или она вообразила невесть что».

– Все будет хорошо, – тихонько подбодрил ее Джен, приобняв за плечи. На душе было беспокойно: и оттого, как быстро они поменялись местами, и потому, что он терял время, знал это и не находил себе места. И все же он дождался, пока Саземе ответит.

– Хорошо... – то ли повторила за ним, то ли согласилась девушка.

Джен не стал дожидаться, пока она передумает.

Лгал ли он, уверяя, что побродит и поглазеет по сторонам? По правде сказать, он сам не знал. Люди, привыкшие к безнаказанности, не слишком заботятся о скрытности. Но он понимал, что рассчитывать на это не стоит, и если он ничего не узнает... то что? В голове царила звенящая пустота. Джен двигался наугад, без плана или замысла. В груди поселилась холодная ноющая тревога, и она же гнала его дальше в ночь.

В этой части Светлого города он очутился впервые. Улицы были широкими и прямыми, разобраться в планировке не составило труда. Сперва юноша миновал храм, чей купол тонул во мраке, хотя вокруг светилось ожерелье причудливых фонарей. Солнечного Владыки, рассудил Джен. Кому еще поклоняться богачам? Затем вокруг поднялись каменные заборы, за ними виднелись крыши домов и пики кипарисов.

Он не боялся, что его остановят и начнут расспрашивать. Несмотря на поздний час, во дворцах продолжалась жизнь: огни горели ярко, а из садов долетали голоса, смех и звуки музыки. То и дело ему навстречу спешили слуги – юноша подражал их быстрому и уверенному шагу, – а у одного дома улицу перегородила празднующая толпа.

Джен дважды обошел район, чтобы убедиться: особняк с мозаичным узором в виде цветов лотоса и лилий – это именно то, что он ищет. В отличие от других домов, верхние этажи здесь были темны. Лишь во дворе горел тусклый свет: переднюю часть сада освещали лампы.

Оглянувшись, Джен быстро свернул в узкую аллею меж заборами. Он держался тени кустарников: соседний особняк вплотную подступал к стене сада, а на террасах пили вино и веселились богато одетые люди.

«Интересно, что со мной сделают, если поймают шныряющим в тених? Милосердные боги! Да что я вообще здесь делаю?»

Он спрашивал себя который раз, но ответы не приходили. Однако иной выход был вовсе безрадостным: вернуться в темный дом, где лежит мертвый отец, и гадать, куда запропастилась Сахра. Поэтому Джен поколебался, но все же юркнул дальше вдоль стены, склонившись в три погибели. Лишь пробежав так с дюжину локтей, он позволил себе распрямиться.

Аллея тянулась прочь, в темноту. Юноша догадался, что она ведет к каналу, когда услышал впереди голос и замер, как напуганная мышь. Вот опять. Кажется, даже два голоса. Слов он не разобрал, да и доносившийся из-за спины звон цимбал скрадывал звуки.

Джен отсчитал пять ударов сердца, а потом для верности еще пять, чтобы убедиться, что эти двое пришли не за ним. Медленно и осторожно, радуясь мягкой земле под ногами, он двинулся на звуки. Через несколько локтей парень понял, что его и не могли слышать. Все, что он рассмотрел, – это смутные силуэты на фоне далекого света, но было ясно, что они волокут тяжелый тук, размером с мешок зерна.

Юноша в нерешительности остановился.

«Побродить и поглазеть по сторонам». Бесовски опасная получилась прогулка! Он еще не понимал, чему стал свидетелем («Запрещенные товары? Наркотические курения? Боги, Сахра, во что ты вляпалась?!»), но не сомневался, что увидел нечто особенное. То, что молодой Зевах или его батюшка из богатеев вряд ли покажут людям своего круга.

«Если меня сейчас заметят, я труп».

Мысль была ясной и отчетливой. Простой учитель для будущих лавочников, он никогда не оказывался в нескольких шагах от смерти, а юноша откуда-то знал: это смерть тихонько переговаривается там, в темноте. Сердце бухало, кажется, в горле. И все же против воли он двинулся следом.

Вот стены городских усадеб расступились, открыв узкую набережную канала. Проклятье, сюда бы хоть немножко света! На той стороне чадили догорающие ночные факелы, но этого берега достигали лишь далекие отсветы. Тех двоих парень не видел, но не сомневался, что они там, в тени купы склоненных к воде деревьев. Он уже раздумывал, не выбраться ли ему из мрака у подножия стены? Не подобраться ли ближе?

А потом услышал плеск.

Встреча, которую хотят сохранить в тайне, запрещенные товары – догадки мигом разлетелись вдребезги. Потому что слуги Зеваха избавлялись от тел. Еще один всплеск. И еще. И еще... Джен с трудом удержался, чтобы тотчас не броситься вниз по течению. Они закончат свою жуткую работу и отправятся обратно, и нельзя, чтобы его заметили. Ни в коем случае нельзя!

Опять плеск. Боги, когда же это кончится?

Он забился в тень меж стеной сада и остролистым падубом и зажмурился. Безучастно ждать было выше его сил! Но и сделать он ничего не мог. На несколько минут юноша забыл, где он и что с ним – просто чтобы не сойти с ума, потому что вздрогнул, внезапно услышав совсем близко:

– ...ручной колдун царя, – говоривший сплюнул. – Только нам-то какое дело?

– Дело есть, – проворчал второй. – Случись что с хозяином, плакали денежки и крыша над головой. Но нас не спросят, в этом ты прав.

На мгновение Джен разглядел его в лунном свете: крепкий мужик с выдубленным солнцем и ветром лицом. Потом они прошли мимо, поругивая хозяина. Парень не вслушивался: он собрался, готовый сорваться с места, стоит боковой калитке закрыться.

Так он и поступил. Совсем скоро вдоль канала выросли громоздкие квадратные здания – куда только делась роскошь района богачей? Юноша пронесся мимо, едва их заметив. Его взгляд был прикован к отражению огней на воде: не всплывет ли темное пятно? Заметит ли он? И как вытащить тела на берег?

Все разрешилось само собой, когда из темноты выступила стоящая на приколе баржа. Он увидел их сразу, шесть тел, прибитых течением к скользкому заиленному борту.

Мошеная набережная давно сменилась деревянным настилом. Подбежав к краю, Джен упал на колени и склонился вниз. Вода тихонько плескалась о причальные сваи в половине человеческого роста под ним. Одно из тел плавало прямо внизу, другие чуть дальше... рукой подать, но, конечно, не буквально: не забравшись в воду, не рассмотреть. Не долго думая, парень сделал глубокий вдох и скользнул в канал.

Вода оказалась ледяной... или чудилась ледяной разгоряченному телу. Потревоженное волной, тело отплыло в сторону, потребовалась пара резких гребков, чтобы не дать ему уплыть. Держась рукой за мокрый брус сваи, Джен решил – и за одежду потянул мертвеца на свет.

Старуха. Спутанные седые волосы, запавшие в беззубый рот губы. Она была совсем дряхлой и изможденной, на покрытых лохмотьями ключицах кожа натянулась, точно сейчас порвется. Неужто нищая? Но что с ней произошло, и зачем в такой тайне избавляться от тела? Мало ли бродяжек на улицах Джамаи, кто удивится, если найдет еще одну в глухой подворотне?

Нищим оказался и второй мертвец. Пожалуй, не такой уж старик: к темному небу обернулось испитое, но вовсе не престарелое лицо. Под изрядно попахивавшим тряпьем скрывались те же кожа да кости.

Джен не удивился, увидев, что и третье тело принадлежит старухе. Такая же иссохшая, она плавала лицом вниз: пришлось попотеть, чтобы ее перевернуть. Щеки женщины запали так глубоко, что нос превратился в клюв, а лицо – в череп.

Вот только... она вовсе не старуха.

Свалявшиеся, похожие на паклю волосы – с вплетенными в пряди цветными нитями. Шнурок на шее, с памятной резной бусиной. На иссушенной, словно птичьей руке выблиснуло тоненькое колечко с бирюзой. Долго-долго, целую вечность Джен просто смотрел перед собой.

У него больше не было сестры.

Он пришел в себя, когда подпрыгнул и ухватился за край стены Зевахова владения. Ладони ободрали о шершавый, поросший лишайником камень. Одним рывком подтянувшись, он неловко вскарабкался на стену и рухнул вниз. Мокрая одежда сковывала движения. Щеки и скулы саднили. Должно быть, он сам расцарапал их в припадке безумия – Джен попросту не помнил. Он и не замечал боли, боль меркла в сравнении с тем, что произошло.

Кому они нужны, саднящее лицо, руки, окоченевшее тело, если они даже ему самому не нужны? Он бы так и сидел до рассвета на краю причала: ему было некуда идти. Некуда и незачем. И все же... все же одно дело пока осталось.

Добраться до ублюдка!

Если в доме и не спали, то Джен никого не заметил. Сад оказался темен и пуст, далекий перепев флейт здесь звучал гораздо глуше. Наверное, тут имелаась охрана или сторожевые псы. Парень не удивился, не встретив ни того, ни другого, просто потому, что даже не думал об этом.

Мимо затаившихся в ночи статуй, мимо павильонов и цветущих кущ он шел к узкому лучу света меж полуприкрытыми ставнями.

Кухня. Как он и предполагал. Из окна долетал обычный кухонный шум: звон металлической посуды и плеск воды. Джен попятился и медленно пошел вдоль задней стены здания. Что там располагают рядом с кухней? Кладовки, комнаты для слуг. Нет, внутрь он точно попадет не через первый этаж.

Боги милостиво смотрели на него – потому что подходящее дерево отыскалось почти сразу. Терраса с резными перилами несомненно предназначалась для господ. Старый орех, наверное, давал благословенную тень в душные летние дни, но сегодня он проведет в дом чужака.

Едва парень попытался упереться в ствол ногой, крепкая с виду кора начала отслаиваться. На голову посыпались мелкие сучки и сухие веточки. Однако Джен с молчаливым упорством лез вверх и перевел дух, лишь когда спрыгнул на террасу. Дом по-прежнему оставался тих и темен, лишь легкий ночной ветер раздувал занавеси в дверных проемах.

«Так пусто, будто все подстроили».

Первая мысль, наконец, пробилась через захватившую его апатию. И тут же Джен ответил себе: «Конечно, подстроили! Когда избавляются от тел, слуг отсылают».

Внутренний коридор был залит лунным светом, бледные прямоугольники протянулись по полированному дереву пола и цветочным узорам на стенах. Сперва юноша осторожно крался мимо дверей, но потом сообразил: хозяин может быть в постели, а он не поймет назначения комнат, если будет бродить по коридорам.

Первая же приоткрытая дверь вела в пустую спальню. Для гостей, решил Джен. В жилых покоях хоть какую мелочь да забудут на столе, собьется на скамье ковер, останется след человеческого пребывания. Такими же пустыми оказались и прочие комнаты в коридоре. Дальше оказалась гостиная: узкая лесенка для слуг сбегала вниз, а полкомнаты занял роскошный вышитый серебряной нитью ковер, но все это юноша едва заметил, потому что под одной из дверей протянулась полоска света.

Парень потянул носом воздух. Здесь витал аромат наркотических курений, и губы Джена скривились в жестокой усмешке. Богатые торговцы не забываются в сладком дыму, а у слуг на него просто нет денег. Похоже, из всех жильцов он и впрямь отыскал кого нужно. Нет, боги определенно желали, чтобы он совершил задуманное!

С этой мыслью юноша толкнул дверь.

– Ну кто там еще!

Зевах распластался наполовину на подушках, а наполовину – прямо на полу. Темные волосы прилипли к потному лбу. Даже издали, в дыму, было видно, как покраснели его глаза.

– Кто ты?

Джен не проронил ни звука. Вместо ответа потянул из ножен короткий нож: парень всегда носил его с собой, хоть и использовал в лучшем случае для нарезки мяса. Медленно, слегка покачиваясь, Зевах поднялся на ноги.

– Н-нет, погоди! – Мужчина поднял перед собой руки. – Я догадаюсь сам. Ты, наверное... родственничек, да?

У него были темные глаза и рот из тех, что называют чувственным. Выплюнув вопрос, сын купца вдруг расхохотался, будто сказал что смешное. Губы его отвратительно шевелились, роняя такие же отвратительные слова.

И снова Джен не ответил. Если хлыщ нанюхался дыма, ему же хуже, а говорить им не о чем. Он всадил бы клинок прямо в ухмыляющийся рот... но нужен непременно один смертельный удар! Поэтому юноша наступал, молча и сосредоточенно, пропуская болтовню мимо ушей.

– Чей ты, мальчик? Старухин сын? Попрошайки из Крысиного квартала?

Почему он не боится? Конечно, юноша не выглядел угрожающе. И потом, сын купца больше и сильнее его, но все-таки нож... На месте Зеваха парень бы попятился.

– А может...

Зевах набрал в рот воздуха, но в этот миг Джен бросился вперед. Ощущение было... словно прыгаешь с большой высоты: весь воздух разом вышел из легких, и юноша отлетел на пол, беззвучно раскрывая рот.

– Ну что, так лучше? Пришел в себя?

Темная фигура заслонила огоньки лампад. Впрочем, Джен не знал: это цветные брызги пляшут в глазах, игра ли то теней или и впрямь комнату озарил нездешний голубоватый свет?

Носок сапога уперся ему под ребра. Чувствительный тычок. Парень во все глаза смотрел, как вокруг ладоней хлыща разгорается синее пламя. Колдун! Ублюдок еще и колдун!

– Эй, ты там живой еще?

Опять пинок. Джен извернулся и по самую рукоять всадил нож в ступню купеческого сына. Вопль Зеваха был слаще любого дурмана. Пламя полыхнуло – Джен испугался, что сейчас для него все кончится – и погасло.

– Стража! Сюда же, сукины дети! Сюда!..

Колдун мог верещать, сколько угодно! Парень раз за разом вонзал клинок: еще раз в ступню, в икру, в бедро, и, когда тяжелое тело навалилось на него, в плечо, в спину, поперек ненавистного лица.

Он опомнился, лишь когда кровь попала ему в рот. Внизу звучали резкие голоса. Неподалеку хлопнула дверь. Парень кое-как столкнул с себя тело, поднялся на колени и с ужасом уставился на руки. Обе были по локоть в крови. Теплая, отвратительная на вкус, кровь замарала лицо, затекала в рот и капала с носа.

С глухим стуком нож выпал из его ладони. По лестнице для слуг грохотали шаги.

Джен бросился к окну, когда его остановил глухой стон. Колдун ползал по полу в луже собственной крови. Лицо с расплоскованной щекой превратилось в ужасающую маску. Добить? Ведь он за этим пришел, он готов жизнь положить, лишь бы добраться до выродка.

Дверь с треском распахнулась, и на пороге появились люди в серых туниках городской дружины.

Джен действовал слепо, забыв о размышлениях. Толкнув ставни, он выпрыгнул в ночь. Упал, перекувырнулся, левое колено прострелила боль, но ему повезло, юноша угодил в цветник – и припустил во весь дух. Преодолеть забор, когда по пятам гонится свора охранников, оказалось проще и быстрее, чем в первый раз.

Еще несколько шагов, прыжок – и над ним сомкнулись холодные воды канала.

4

Джамайя, Светлый город, 11-е месяца Пауни, день

Сперва магу снилось, будто ему вновь десять лет и он проснулся оттого, что его постель горит. Странное дело, этот огонь не жег – впрочем, помнится, и в десять лет было так же. Но алчные языки глодали изножье кровати, воздух в детской пропитался едким запахом гари.

Сон милосердно скрыл, как он тушил свой маленький пожар, как закапывал в мокром ночном саду покрывала. Нет, кошмар заключался в другом. В ту ночь юный Самер так и не уснул. До рассвета он просидел на полу у кровати, обняв колени и пытаясь унять колотившую его дрожь.

Дар в мальчике пробуждался медленно. Сперва то были свечи, гаснувшие при его приближении, затем вспыхивали жаровни и вещи обугливались в руках, стоило ему обидеться или рассердиться. Два долгих года Самер твердил себе: нет, он вовсе не колдун, это все игра. Стоит захотеть и не пользоваться Даром от силы пару лун, и все кончится.

Целую луну он так и не выдержал. Той ночью родилась уверенность: само собой не кончится ничего. Сегодня он поджег постель и вовремя проснулся. В следующий раз займется дом, с отцом и матерью, островитянином Ндафой и старушкой-кухаркой. Самое жуткое, что его, Самера, собственный огонь не тронет. Просто однажды утром он проснется среди дымящихся руин.

И мальчик таращился в светлеющую ночь, час за часом, понимая, что дальше обманывать себя нельзя.

Гира́в Алай, так звали его отца. Достойный Гирав вовсе не питал к магам неприязни: даже мальчик знал, что настоящий царь для отца – сверженный ас-Джаркал, а не выскочка-узурпатор. Вельможа полагал, что маги не вполне люди, но и не презирал их. Трудность крылась в другом: достойный Гирав потерял цепь хлыста северного войска, потому что гарнизон Гиллу Тхан остался в казармах и не поддержал восстание. Все, что осталось у отца, – наследник и небольшое по довоенным меркам имение.

Но колдун не может владеть землей и торговать. Колдун не имеет права занимать посты и даже покидать обитель. Самер уродился смышленным ребенком, он нашел способ прочесть эдикт о Правосудии. Он не считал себя колдуном, вовсе нет... просто это было важно.

Для начала он решил обо всем рассказать матери. С самого утра, едва рассвет окрасил розовым террасы Гиллу Тхан, он послал с горничной записку и закрылся в детской. Но когда мать вошла, в вихре летящего шелка, в ореоле тонких ароматов, – все слова, что он тщательно готовил, испарились.

– Что... что случилось, Самий? – Она всегда звала его так. – Что-то случилось, да?

Мать присела перед креслом и заглянула мальчику в глаза, а монолог его застрял в горле: ни высказать, ни проглотить и улыбнуться.

– Ты ведь поговорить хотел, так?

Он так и не смог выдать хоть слово: просто поднял руку и позволил призрачному пламени вспыхнуть, залив комнату неестественным светом.

Был разговор, и он рассказывал, как пробуждалась сила, как это опасно и что им всем грозит. Мать расспрашивала, то мрачняя, то сердясь, а то перебивая и не желая слушать. Но он должен попасть в Круг! Самер и так затынул. Однако простому смертному не объяснишь, что он не может затаиться, что это не он отказывается от родства, и не в его силах потерпеть семь лет, до вступления в права, брака и первенца. Благо он не помнил подробностей беседы, так что и кошмар не повторил ее: лишь растянул на вечность мгновения, когда мать сидела рядом, а он все поднимал и поднимал руку, зная, что вот-вот полыхнет пламя и вместе с ним сгорит детство.

– Я сама скажу отцу, – приняла она решение. – Вам с Ндафой лучше уехать на верховую прогулку.

Может, так оно и лучше... К вечеру, когда Самер вернулся в усадьбу, он долго не решался ни возвратиться в конюшни, ни войти в дом. Достойный Гирав был властным и горячим человеком. Настоящий воин, с гордостью говорил мальчик.

Когда он наконец решился – они ждали в гостиной. Оба. На улице сгущались сумерки, но отец с матерью запретили слугам их беспокоить, так что лампы оставались холодными и сидели они в полутьме.

– Ну что, уже решили, чего я лишусь? Наследства или родового имени тоже?

Он храбрился. Подошел к столу и плеснул фруктовой воды из запотевшего глиняного кувшина. Однако вымученной шутке никто не улыбнулся, лишь взгляд отца стал холоднее прежнего.

– Мы подумали и решили... – начала говорить за обоих мать.

– ...дорогу! Дорогу хлысту Джамайи!

Крик, щелканье плетей, ржание и бряцанье оружия на миг разбудили Первого, но кошмар и не думал кончаться – даже стал еще ярче и подробней.

На сей раз он вернулся из путешествия, и Имэна, его любовница – или спутница, как это называют в Круге – встречала его в покоях Верховного.

Самер отдал последние распоряжения капитану охраны, с трудом сдерживаясь, чтобы не послать Ндафу в Бездну и скорее обнять чародейку. Когда он наконец отделался от воина, та ушла в дальние комнаты, приглашая его следовать за собой.

Именра не стала зажигать лампы. Вместо этого она распахнула ставни, глядя на залитый лунным светом дворик, предназначенный для прогулок и медитаций Верховного. Среди темных кущ виднелись статуи чародеев прошлого, в ночи мрамор мерцал собственным голубоватым светом.

Самер встал позади нее, обвил руками, вдыхая знакомый запах. Порой ему казалось, что они слишком долго вместе, что ее плоть перестала будоражить, но сейчас одно прикосновение заставило его сердце биться чаще.

– Удачная поездка? – негромко поинтересовалась чародейка.

– Пожалуй, да. Убийцы в беспамятстве, я доставил их на царский суд. Угрозы нет. Думаю, даже советникам понравится, – он наклонился и легонько коснулся зубами мочки ее уха. – Тебе ведь нравится, когда царь благодарен?

– Я думала, ты захочешь отдохнуть с дороги.

– Захочу. Я и сейчас отдыхаю.

Чародейка обернулась, развязывая стягивавший платье кушак.

Ее губы были прохладными, а дыхание пахло лимонной водой. Когда маг попытался отстраниться, чтобы взглянуть на знакомые черты, она ему не позволила. Он положил ладонь на стену за ее спиной и хотел распрямиться, однако ее пальцы сомкнулись на запястье, и прикосновение дышало холодом, как знаки Алида.

С каждым вздохом его сила утекала, на лбу выступил липкий пот, а плоть как будто плавилась, но поцелуй все длился, стылое прикосновение, через которое из него вытекал Дар.

Так вот, что чувствует жертва кормления? Задыхаясь, Самер вспомнил, что чем дальше, тем сложнее сопротивляться, пока от тела не останется иссохший, похожий на мумию остов.

Но как? Как она стала одной из них?

Губы жгло, с такой силой маг их закусил, когда пение жрецов в храме Солнечного Владыки достигло крещендо, и он проснулся. Долю мгновения ему казалось, что полуденная песнь – это часть кошмара, далекий стон. Но холодный пот и впрямь выступил на лбу. Сбившиеся покрывала спеленали руки и ноги.

В дверь гостевых покоев постучали.

Ндафа, будь он неладен! Этот человек преследует его во сне и наяву. Выпутавшись из промокших от пота покрывал и набросив на плечи ковву, Верховный босиком прошлепал к двери. Темнокожий капитан был не один: рядом переминался с ноги на ногу вчерашний маг-защитник.

– Боги воплотились в вас, мудрый! – как заправский дворецкий, возвестил воин. – К вам посланец из обители.

Когда юнец увидел, что всемогущий Первый встречает их в кое-как перепоясанной ковве, на его лице отразилось смятение. Ндафу это, кажется, забавляло. Самер, еще наполовину здесь, а наполовину во власти кошмара, приказал коротко:

– Говори.

– Мир вашему дому! – затараторил мальчишка. – Меня послала глава обители. Пленники, мудрый... они умерли.

– Как? Кто допустил?

Маг понял, что сморозил глупость. По крайней мере, капитан не оплошал.

– Когда это произошло? – сразу посуровел Ндафа. – И как?

– Я... мы не знаем. На рассвете их подняли в клетке на половину глубины Алида. Как вы приказывали. Наш целитель накормил их и напоил. Когда мы решили спускать их... это было ползвона назад... они уже умерли.

В гостевом покое повисла тишина. Стало слышно, как гудит, запутавшись в занавесях, оса. Темнокожий воин сжимал и разжимал кулаки, и малец как будто съежился.

– Вы... наверное, вам лучше поговорить с целителем? – предположил он.

– Не думаю, – холодно ответил Самер. – Не сейчас. Спасибо, юноша, можешь передать, что я еще раз навещу Хоран. Но не сейчас.

Ндафа подождал, пока мальчик раскланяется и оставит их, и лишь тогда спросил:

– Мы что, не будем трясти целителя?

Верховный пожал плечами.

– Ты еще надеешься? Я ночью осмотрел обитель, вошел в сознание полудюжины магов и потратил бездну времени. И что, из этого хоть что-то вышло? Нет, все не то... Меня волнует, что происходит в городе.

Капитан ждал пояснений. Проклиная сонный туман в голове, Самер с отвращением посмотрел на смятый шелк постели и начал одеваться.

– Ндафа, ты хороший телохранитель, – признал Верховный, – ты правдами и неправдами служил отцу и знаешь, как обстряпывают дела вельможи. Но, видят боги, ничего не смыслишь в магах! А с тех пор, как я стал Первым и переманил тебя в Круг, ты не успел нас изучить. Думаешь, мы книжники и исследователи? Что мальчик, которого ты знал, стал ученым?

– А что, не так?

– Давно уже нет! Да, мы придумали зрительную трубу, новые плавильные печи... все это было бездну лет назад. После смуты мы сидели взаперти и только и думали, как бы выжить. Двадцать лет маги горбатились на стройках, как каторжники, а Верховный подкупал вельмож, заводил прознатчиков и плел интриги при дворе.

Грубое лицо Ндафы осталось непроницаемо, но Первый понял: островитянин не знает, к чему клонит хозяин.

– Круг очень изменился. Ни на миг не поверю, что в этой пустой, забытой богами обители придумали что-то новое. Весь Круг за двадцать лет не сподобился ничего придумать. Это знание им вручили. Подарили.

– Да что подарили-то? – вырвалось у воина. – Я ничего не смыслю, но даже я слышал про это... кормление. Кровавыми колдунами пугают детей.

Самер вздохнул.

– Еще я знаю, что Круг ловил своих же чародеев на запретных чарах, – продолжил Ндафа. – Кое-кого даже наказали. Лет десять назад... я точно помню! Был суд над колдуном-убийцей, вы сами же его казнили.

– Вот и я говорю: ни беса не смыслишь, – чародей усмешкой сгладил резкость слов. – Запретные чары разные, а ты этой разницы не видишь. Большую часть запретили не мы сами, а Черный Азас, и это не кровавые ритуалы. Только то, что мешало ищейкам держать нас в кулаке. Вполне безобидное. Например, иллюзии. Да, мы сами за них карали. Потому что все держалось на волоске, понимаешь? В любой миг Азас мог довершить начатое! Если многие и применяли запретные чары, это не значит, что кормление кровью – обычное дело в Круге.

– Кормление старше, я правильно понимаю?

– Да, мы наложили запрет давно. Наверное, сотни лет назад. Потому что это... это отвратительно! – Самер повел плечами, вспомнив сон. – Когда ты пьешь из человека силу, ты впитываешь его личность, воспоминания. Если пить силу животных, скоро сам замычишь, как бык. Кормление похоже на людоедство. Такое... призрачное людоедство, понимаешь? Я не могу объяснить лучше.

– Ну и что в этом нового?

– Когда ты убиваешь, чтобы выпить силу... это отвратительно, но пусть... сила почти мгновенно рассеивается. Ее нельзя уловить, нельзя поместить в резервуар. Если угодно, душа отлетает к Солнечному Владыке. Если ты только-только убил, силу можно поймать и использовать, это огромная мощь. Но такой источник ненадежен. Если у тебя нет загона готовых на убой рабов, – Ндафа скривился под взглядом мага. – Без них ты тот же мелкий чародей, для которого осветить небольшой особняк уже подвиг.

– Хорошо. А что такое резервуар?

– Некоторые материалы держат магию. Если выпустить на волю сгусток силы, он быстро развеется, растворится. Но некоторые камни и металлы держат силу дюжины лет. И ты в них вкладываешь, вкладываешь... как скупец в подпол, – Самер не нашел лучшего сравнения и удрученно закончил: – Вот с этим мы столкнулись. Убийства бедняков сами по себе плохи, но нищие умирают каждый день. Но научиться улавливать эту силу? Копить ее? В Круге считали, что мы не просто не умеем... что это невозможно!

– Я понял.

Ндафа встал и начал ходить по комнате из угла в угол. Мускулы на его плечах шевелились, а с ними – нашитые на кожаную туннику стальные пластины. Несколько мгновений Первый-в-Круге следил за ним, а потом потянулся за рубахой.

– Вы говорите, мудрый, что есть некто и у него огромная мощь. И для лучезарного это тоже угроза.

– Добавь еще, что я Верховный всего две луны. И мое... правление... началось с испытания. Как думаешь, что останется от нашей с царем сделки, если я вернусь ни с чем?

А ведь было время – он пообещал себе, что спасет мальчика, закончит то, чего не успел добиться старый наставник: отмены эдикта. И тогда он сможет наконец вернуться домой, и отец увидит, что проклятый отвергнутый наследник – правая рука владыки, и ему кланяется вся знать по эту сторону Внутреннего моря.

Ничего этого не случится, если он сейчас же что-нибудь не придумает!

– И этот некто... долго ли он позволит мне носить черную ковву? – тихо закончил Первый. Ндафа остановился, покачиваясь на пятках.

Видимо, разложив все по полочкам, воин упал обратно в кресло.

– У вас есть кто-то на примете?

– Конечно, есть. У Царства полно врагов!

– У Царства или у магов?

Самер, зашнуровывавший рубаху, остановился.

– Ладно, на сей раз ты меня поймал. Но сейчас это одно и то же. Смотри... – Верховный начал загибать пальцы. – В бывших провинциях чародеев никто не притеснял, для них мы все недруги, не важно, маги или простые смертные. Это могут быть чужеземцы. Еще есть беглые чародеи, они скрываются с тех пор, как Азас вошел в столицу. У них своя война, все эти годы. Лучезарного они ненавидят, даром что малец нам благоволит. Но он сын узурпатора, и ведь он не вернул все, как было, верно? А потому он враг. Для них и я тоже враг, потому что не начал безнадежную борьбу и пособничаю трону.

Он загнул второй палец.

– Так что это могут быть отщепенцы. После войны сбежала пара сотен, кого поймали, кто залег на дно, но о большей части мы ничего не знаем. Еще есть горячие головы в самом Круге: молодежь думает, мы должны требовать свободы, и, если нам ее не дадут, мы просто возьмем свое силой.

– Вы с ними не согласны?

– Я могу их понять, Ндафа, но в Царстве больше тех, кто считает, что наоборот – это лучезарный якшается с колдунами и пора бы снова прижать нас к ногтю. Поэтому-то я и боюсь, понимаешь? Все и так... слишком сложно. Слишком хрупко.

Капитан пожевал мясистыми губами, словно пробуя на вкус предположения Верховного.

– Теперь этот некто убрал свидетелей?

– Да, именно так я и думаю.

– Почему было не сделать это раньше? До вашего приезда?

– Я думаю, что здесь, в провинции, из магов такие же заговорщики, как из тебя танцовщица. Они наварили варева, где могли. Беда, что из меня дознаватель еще худший, чем из них заговорщики.

Ндафа не то хмыкнул, не то фыркнул.

– Все это писанина на песке. Догадки.

– Конечно, догадки. Но можно до полуночи пытаться магов и ничего не добиться. А то, что мы ищем... что мы на самом деле ищем – оно в городе, а не пыльном каменном мешке.

Медленно, как будто нехотя, капитан кивнул.

– Вот и хорошо, – заключил Верховный. – А теперь скажи, где в Джамайе такое место, где собираются все: дельцы, преступники и бедняки. В каждом городе такое есть, хотя бы одно.

– Наверное, «Синий лотос», – поразмыслив, ответил Ндафа. – Это в трущобах.

– Дай угадаю, – хмыкнул Самер. – Это еще и самый большой бордель в городе.

Капитан неопределенно пожал плечами.

– Вот туда мне и нужно. И на сей раз одному.

– Это глупо, – коротко бросил капитан.

Самер сложил на груди руки, сверху вниз глядя на воина. Они мерялись взглядами целую вечность, пока Ндафа не сдался.

– Хорошо, Джамайя – грубый провинциальный город, а вы слишком важны, мудрый. Если вас узнают... если воспользуются этим...

– Поверь, я могу за себя постоять! И позаботиться, чтобы меня не узнали.

– Но я не понимаю, зачем? Что вы такого визнаете, чего не подслушаю я?

– Не знаю, – честно признался Самер. – Сказал бы, если б знал. Но я должен попробовать.
– Позвольте хотя бы идти с вами!

– Для тебя тоже есть дело, – отрезал Самер. – Пока я брожу по городу, ты осмотришь тела умерших в Алиде.

Чернокожий воин как будто посерел. Это было странное, необычное чувство, но магу стало его жаль.

– Ндафа, – как можно мягче произнес он, – я понимаю, ты... отвечаешь за меня перед семьей. Но посмотри на меня. Я не мальчик, которого забирали в обитель. Я Первый-в-Круге и Верховный маг Царства.

Это и стало последним выпадом, который обеспечил победу. Самер невольно улыбнулся, пересекая задний двор. Боги, когда же он в последний раз ходил пешком? Уж точно до решения Круга, до пресловутой сделки. Даже просто оказаться на улице без охраны – и то уже было хорошо.

Если бы не дело, приведшее его сюда!

Замысел казался логичным и правильным, когда маг до рассвета мерял шагами покой, но стоило шуму улиц сомкнуться вокруг, и собственные выводы уже не казались Первому очевидными.

Яркое солнце отражалось от побелки домов. Легкий ветер с реки нес отчетливый запах рыбы и ила. Грубая монументальность Джамайи пыталась повторить столичное величие, но получалось не подобие даже, а пародия. Джамайю заложил первый царь-чародей, превратив поселок на Золотом тракте в торговый центр. Город разросся, как застывшее в камне олицетворение барышей, но белокаменные дворцы и сверкающие храмы высились среди домов из кирпича-сырца, а еще дальше лежал грязный и зловонный лабиринт трущоб.

Самер прошел Джамайю почти насквозь. В простом кафтане, в укрывшем волосы от солнца платке он стал невидим безо всяких чар. Первый неторопливо брел, останавливаясь у прилавков и разглядывая медные лампы, расшитые золотой нитью ткани и связки яшмовых бус.

Маг успел услышать, что цены на зерно взлетели, что хлыст городской дружины подмял весь город, а сегодня его люди и вовсе лютуют. И впрямь, беглого взгляда хватило, чтобы насчитать дюжину стражников в серых туниках.

«Ндафа прав, – вынужден был признать чародей. – Ты даже не знаешь, много это или мало».

Харчевню Верховный отыскал быстро. Сперва маг обошел ее по кругу, примечая окна и выходы. Вокруг поднимались ветхие постройки, обмазанные глиной ставни пестрели яркими узорами – так жильцы приукрашивали свой нищенский квартал. Увидев, в какую дыру его занесло, в последний миг он заколебался, но двое громил, подпиравших косяки, свидетельствовали: внутри и вправду проворачивают дела.

А потому, стараясь не встречаться с ними взглядом, маг уверенно спустился по вырытым в землю ступеням.

Самер выбрал место в углу, у лестницы – отсюда было видно все погруженное в полумрак помещение. Все в точности, как и в столице: чуть больше грязи, чуть старше грубые столы, но в целом то же самое. Даже посетители те же: бедняки, матросы и неопределенного вида типы, которые могли промышлять чем угодно, от милостыни до черного дурмана.

Отстегнув от пояса, маг демонстративно положил рядом кривой меч Ндафы, и посетители потеряли к нему интерес. Вот и славно. Но что дальше?

Пока он раздумывал, к столу приковылял тощий старик и застыл над магом в немом вопросе.

– Не сильно отвратное поесть, – заказал Самер. – И вина.

Не сильно отвратной оказалась рыбная похлебка, а вино здесь было лучше, чем он ожидал. Наверное, здешние балуются контрабандой.

«Боги, о чем я думаю?» – одернул себя маг.

Неприятная правда заключалась в том, что он плохо представлял, что теперь делать. Ждать и слушать, думать и сопоставлять – все просто, но вопросов оставалось много. Например, как задержаться здесь надолго и не вызвать подозрений? Сделать вид, что он кого-то ждет? В обязанностях Ндафы не было никакого колдовства, но, в отличие от капитана телохранителей, Самер провел юность взаперти, пока эдикт о Правосудии запрещал магам покидать обители.

Он заказал третью кружку и думал на том остановиться – ему еще снимать девочку и осматривать верхние этажи, когда входная дверь не просто распахнулась, а хлопнула, привлекая всеобщее внимание. Однако на сей раз внутрь ввалилась не требующая выпивки матросня.

Темнокожая соотечественница Ндафы сбежала по ступеням стремительно, как черная кошка. Конечно, она была шлюхой: честная женщина не умаслит лицо до блеска и не надеет прозрачный, немного оставляющий воображению шелк. Не слушая улюлюканья, девушка быстро пересекла зал и начала взбираться по лестнице.

И в этот миг Самер понял, что не зря хлебал рыбное варево. От проститутки пахло силой.

Каждый слышит дыхание магии по-своему – тихий шепот или далекий перезвон бубенцов. Первый ощущал чужие чары как запах. Когда она пронеслась мимо, от девушки пахло свежестью, что наполняет воздух после грозы. Он не вздрогнул лишь усилием воли, только проводил шлюху взглядом и цокнул языком.

Мысли, однако, теснились и перебивали друг друга.

Магия? Здесь? Либо он нащупал краешек того, что ищет, либо... Хоран не так уж обрывала связи с внешним миром. Но как ее не упустить? Проследить, побыть рядом хотя бы четверть звона. Если она маг, разумно ли соваться близко?

Одним глотком допив вино, Самер поставил кружку и поднялся.

– Вот тебе за еду и за пойло, – отсчитал он медяки. – Я смотрю, ваши девочки хороши, да?

– Ох хороши, господин! – Старик осклабился в беззубой ухмылке. – Ночью-то побольше будет, но ночью нагрянет вся орава. Это вам сюда, господин. По лестнице. Вас там и встретят, и покажут...

Самер не слушал угодливую болтовню. Кажется, за ним никто не следил: ремесленники так же обсуждали медь и олово, матросы – шлюх и нанимателей, ни один не удостоил мага взглядом.

Он и так собирался снять девочку, а потом усыпить ее и побродить по зданию. Но что теперь – требовать ту самую, черную? Как раз она сейчас не работала.

Его размышления прервали возбужденные голоса, ссора развернулась недалеко, будто его отделял от спорщиков всего десяток локтей. Конечно, это было не так: просто глиняные кирпичи давно растрескались, а жучки проели доски насквозь.

Дойдя до площадки, куда не достигал льющийся из закопченных окон свет, Самер прислушался. Двое... нет, трое. Запах грозы витал в воздухе, покалывая ноздри. Ему определенно дальше, вверх по лестнице. Бездна! Только бы не нарваться на завсегдатая или обслугу!

Похоже, днем здесь не зажигали лампы. И зря – коридор оказался совершенно темен. С улицы не проникал не только свет, но и воздух: от духоты и одуряющего аромата курений у Самера заныли виски. Пытаясь вычленить тот самый запах, слышимый не носом, а колдовским чутьем, он сгруппировался: сделал неосторожный шаг, запнулся о скамейку. Грохот упавшего сиденья повторился в голове, как эхо.

– Сучья дочь! – раздался приглушенный стенкой крик. – Ты должна встречать гостей. От вас толку, как от плешивых коз!

На мгновение маг растерялся. Когда дверь скрипнула и поперек прохода вытянулась тень, вокруг Самера уже сгустился воздух, став мутным и вязким. На свету его бы непременно заметили, однако девушка лишь выглянула и тут же нырнула обратно.

– Никого. Не пытайся меня отвлечь, Фарак. Ты мне ответишь!

Это она, чернокожая. Непохоже, чтобы шлюха была чародейкой, но иногда у богов странные шутки. Сегодня боги улыбались – островитянка оставила дверь приоткрытой.

– Сучья дочь, ты мне угрожаешь?

– Тише, – вступила в разговор женщина постарше. – Ты распугаешь всех клиентов.

– Которых не прирезали, хочешь сказать? Какое мне дело, если через звон заявятся люди хлыста?

– С чего это им заявляться? – голос девушки охрип от спора. – Я ни в чем не замешана. А если ты поставлял Зеваху девочек, то сам...

– Тогда какого беса! – Самер услышал грохот, с которым опустился на стол кулак. – Какого беса ты сунула туда свой нос? Мало того что привела убийцу, еще решила проверить, как сработал?

– Я не...

– Тихо! – властно скомандовала женщина. – Фарак, ты знаешь, что сын хлыста нарывался. Ты сам потерял двух девочек, а если Саземе права, то трех. И о Сахре мы точно знаем: она не ушла, не сбежала, а исчезла после встречи с ним.

Судя по звуку, хозяин борделя сплюнул.

– За то, что он заплатил, я найму дюжину.

– Ублюдок! Вонючий ублюдок... – Девушка бы продолжила, но вторая опять прикрикнула:

– Тихо, я сказала! – и тем же властным тоном: – Не забывайся, Фарак. Мы не рабыни. И я, и девушки можем уйти.

– Отмазывать всех от хлыста тоже ты будешь?

– За что отмазывать-то? – воскликнула чернокожая. Но мужчину не так-то просто было убедить.

– Ты послала к нему убийцу. Яйца Усира, к сыну хлыста! Потаскилась за ним и не обратилась к слугам, а как вор, полезла в калитку. И пришла сюда! Сюда, будь я проклят! Навести стражу хочешь?

– Да тихо же!

Воцарилась тишина – или просто они начали говорить тише. Самер облизнул пересохшие губы.

Нет, это еще ничего не значит. «Ты потерял двух девочек... исчезла после встречи с ним». Ничего не значит... но ведь эта дыра и есть самый большой бордель? Где же исчезать шлюхам, как не здесь?

Чародей начал потихоньку пятиться, когда стало ясно, что спор закончился. Хлопнув дверью, островитянка выбежала из комнаты, и вслед ей неся возмущенный рев вперемешку с проклятиями.

Он догнал девицу на улице, у лошадиного загона. Шлюха стояла, тяжело дыша, прислонившись к грубым доскам лбом. Времени размышлять, как бы подступиться, не было – маг положил островитянке руку на плечо.

– Какого...

– У вас пропали три девочки, – не дал ей закончить чародей. – Я знаю, где они и что с Сахрой.

Солнце вспыхнуло в ее глазах, когда она подняла к нему лицо, но взгляд был насторожен и враждебен.

– Где, я и сама знаю. Чего тебе надо?

– Поговорить, – Самер снял с пояса кошель и подбросил на ладони, давая оценить его тяжесть. – Мне надо просто поговорить.

Тени деревьев пролегли поперек улицы, вот только веяло от них не прохладой, а гнетущей духотой. На резной скамье под платаном три дамы в золоте и жемчугах переговаривались и часто-часто обмахивались веерами. В воздухе повисла тяжесть, уместная для месяца Мисбр, а не поздней весны. Можно было подумать, что собирается гроза, но солнце зависло посреди чистой бездонной синевы, безжалостно опалая город.

– У сына хлыста свой городской дом. Собственный, – докладывал капитан, труся рядом с носилками.

– Свой? – недоверчиво переспросил маг. – Отец живет в родовой усадьбе, а ему что, заложил новую?

– Ну, папаша-то и вправду подмял весь город. Он и купец ложи торговцев, и хлыст дружины. Говорят, самый богатый человек в Джамае. – Самер молчал, и капитан добавил: – Его не просто раскусить.

– Поглядим... – Чародей пожал плечами. – Я потрясу царскими грамотами, посмотрим, что из этого выйдет.

– Не очень-то похоже на план, – проворчал Ндафа.

– А это не план. На самом деле раскусывать его не нужно. Или он, или сынок маги, по всем законам у меня развязаны руки. Они могут помешать, могут попробовать сбежать. Но выводить на чистую воду никого не придется.

– Люблю, когда вы рветесь в драку!

Воин осклабился и отстал, чтобы раздать слугам распоряжения.

Что в доме неладно, внимательный наблюдатель понял бы, и не зная слухов. В другой день охрана пряталась бы в тени или поигрывала мечами перед служанками, но сегодня всматривалась в каждого прохожего. Едва под ногами слуг закрипел гравий на подъезде к воротам, Первый спрыгнул с носилок и зашагал своим ходом, дав черной ковве полоскаться на ходу.

Начальник караула сдержанно поклонился.

– Мир вашему дому, Верховный маг! Я послал господину парня, едва завидел паланкин. Если угодно, вы можете подождать в беседке.

Ни удивления, ни даже попытки захлопнуть перед носом дверь. Впрочем, неизвестно еще, чего ждать от самого хлыста.

– Слуги и носильщики подождут здесь, – предупредил чародей, – но телохранитель пойдёт со мной.

– Как вам угодно, – часовой еще раз поклонился и жестом указал на нужную дорожку.

Ндафа ворчал под нос, пока они шли мимо падубов и кипарисов. Отдаленный шум города лишь подчеркивал здешнюю тишину.

– Думаешь, они попробуют напасть? – поинтересовался Самер.

– А по-вашему, нет?

– Все может быть. Но, по-моему, непохоже.

Куда больше мага интересовало другое. Сквозь аромат весенних цветов, сквозь дымок от тлеющего в медных чашах сандалового дерева пробивался стойкий запах грозы. Нет, Самер ожидал, что найдет здесь чары, они оставили след на шлюхе, а ведь та едва сунулась в сад и убежала, заслышав ругань и приказы. Но было и кое-что еще. Нити силы сплетались неловко, неумело, но удивительно крепко. Как плетение ребенка-великана.

Они дошли до круглой, увитой виноградом беседки с каменными скамьями. Первый уселся, с интересом разглядывая резьбу срединного столба: на красном дереве вырезали поклоняющихся языкам пламени людей. Ндафа поколебался мгновение, но тоже сел, и Самер улыб-

нулся краешком губ. Капитан выбрал место, с которого просматривались все подступы к строению.

– Здесь все пропитано чарами, – предупредил Верховный.

– Засада?

– Не знаю. Луну назад я сказал бы, что поодиночке справлюсь с любым магом Круга.

– А теперь? Если у них еще один, – воин запнулся, – резервуар...

– Не думаю. Непохоже. Чары слишком грубые и неловкие.

От необходимости пояснять его избавил звук шагов на дорожке.

Бритый череп вошедшего с лихвой искупала черная, густая и курчавая борода. В ней терялся старый, задевший уголок губ шрам.

– Мир вашему дому, господа. Я Джалид Адрата, хлыст городской дружины, – он бесстрастно поклонился Верховному и кивнул Ндафе. – А это Синан, начальник стражи и мой первый помощник.

Его спутник был невысоким человеком с медным загаром и раскосыми, как у степняков, глазами. Пока Синан ставил на скамью поднос с кувшином и чашами, чародей приглядывался к их осанке и повадкам. Эти двое – воины, сразу понял он. Не разодетые, яркие, как южные птицы, щеголи, что отираются при дворе. Нет, эти – настоящие. Как отец.

– Чем обязан честью? – прямо спросил вельможа.

Первый с благодарностью принял чашу фруктовой воды со льдом. Поднял, показывая, что пьет за здоровье хлыста.

– Вы сами все знаете.

– Что я должен знать? Сегодня ночью в дом сына прокрался вор. Еще я знаю, что за день до вашего приезда обитель закрыла двери, торговцы неделю не видели родных. Так по какому поводу честь?

– Достойный Джалид... – Самер помолчал. – Беда в том, что у вас нет Дара и вы ничего не слышите. Но сад гудит от магии. Так что все вы понимаете.

Отвечать хлыст не стал. Лишь поджал губы и глядел на мага, упрямо сведя брови. От Верховного не укрылось, как подобрался Синан, да и чернокожий воин был готов к броску. Самер негромко проговорил:

– Поймите, чтобы это услышать, вовсе не нужно быть Первым-в-Круге. Положим, вы не захотите говорить сейчас... но мою правоту подтвердит любой чародей. И советники меня поймут.

«Хлыст далеко, он ничего не сделает – воздушный кулак выбросит его из беседки, только он вскочит. А вот подручный... Хитрый шакал! Так и не отошел, поставив поднос. Понадеяться на Ндафу?»

Время, казалось, замедлилось до черепашей возни. Вельможа прочистил горло.

– Прошел всего год после восстания, – хрипло произнес он, – когда мы узнали. Ни я, ни Абия... это моя супруга... мы не смогли отдать сына в Круг.

Самер бросил многозначительный взгляд на степняка. Вельможа лишь пожал плечами:

– Синан старинный друг семьи. Про сына знает много лет.

– Где он сейчас?

– Зев? Его здесь нет, – хлыст откинулся на каменную спинку скамьи. – Я что, сидел бы, вел беседы, если бы ему что грозило? Он с утра покинул город.

– И вы, конечно, не знали, чем он занят?

– Не только не знал, но и не желал знать! – К вельможе быстро возвращалось самообладание. – Я купил проклятый дом не потому, что сорю золотом. Я поддержал восстание, господин маг. С первых дней. Я и сейчас не желаю знать, что наделал мой сын, но вы же не прекратите безобразный допрос?

– Не прекращу. Потому что сюда приводили бедняков, шлюх и нищих, а потом убивали для ритуалов. – Синан фыркнул, хлыст же сплюнул и сложил пальцы в оберегающем жесте. Самер безжалостно продолжал: – Тот вор, о котором вы говорили... это родич убитой девушки. Надо думать, он искал не безделушки, а месть.

– Чего вы от меня хотите? – Вельможа сплел на животе длинные пальцы. – Говорите, любой чародей? Ну так вам любой скажет, что я не знался с Зевом. Утром увидел сына впервые за много лет.

– Я хочу... попробовать договориться, – медленно, осторожно подбирая слова, проговорил маг. – Один из убийц, которых я ишу, сбежал. Верно, он вне моей досягаемости. Но ведь есть другие. В ваших силах помочь мне их найти.

– А зачем это мне?

– А зачем вам другие маги-отщепенцы? Они ведь не ваш сын, – темные глаза Джалида сверлили чародея, и Самер решил подсластить пилюлю. – К тому же я могу пролить свет на события этой ночи. И умолчать о вашей роли, когда вернусь в столицу. Есть другой выход: я ничего не умалчиваю, но и в столицу я вернусь не сразу, и объясняться буду уже после всего, что здесь произойдет.

– Вы мне угрожаете?

– Я хочу не допустить... безобразной сцены, – вернул слова собеседника маг.

В беседке вновь все замолчали. С приближением вечера темные листья винограда начали дарить прохладу. В деревьях вновь защебетали птицы, да и обычный городской шум становился тем громче, чем ниже клонилось солнце.

– Покажи ему, – решился хлыст, и помощник протянул чародею клинок.

Вельможа не стал дожидаться, пока маг его рассмотрит.

– Меня разбудили в четвертом часу пополуночи, в поместье прибежал головорез от сына. Я знал, что ему служит отребье, но не хотел вникать, – хлыст говорил коротко и отрывисто, как принято у военных. – Я понял, что с Зевахом беда, и немедленно отправился сюда. Было много крови, но на деле ничего серьезного, – он задумчиво потер пальцем старый шрам на тыльной стороне ладони. – Это я сказал сыну убираться, мы поспорили, но он понял, что мне надоело закрывать глаза. С ним уехали все шесть его ублюдков. Я не знаю, где он и куда направился. Нож – все, что осталось от проникшего в дом парня.

Маг покрутил клинок и передал Ндафе.

– Такие продают на базарах, – сказал островитянин. – Сотни, если не тысячи.

– Это мы знаем, – проворчал Синан. – Может, господин колдун скажет что еще?

– А вы хотите его найти?

Хлыст провел ладонью по бритой голове.

– Дело не только в сыне. Бедняк пробрался в Светлый город и напал на достойного. Ложа торговцев захочет крови, я должен найти вора, иначе каждая шавка возомнит себя псом.

– Вам все равно придется против них пойти, – негромко проговорил маг.

– Почему?

– Вы ведь не единственный, кто не отдал ребенка в Круг. Распорядитель ложи знает, почему обитель отгородилась от остального города.

– Есть и другие, – кивнул вельможа, – и один из них распорядитель. Но тем более нужно хоть бросить кость остальным.

Верховный поколебался, но неохотно признал:

– Мне нужно время. Этот парень не чародей, будет непросто его отыскать.

– Что там сложного? – Вельможа подался вперед. – Даже я знаю, что колдуны выслеживают по вещам!

– Мы оставляем на вещах след, это правда, – выбирая слова, согласился маг, – чем чаще пользуешься, тем явственней отпечаток. Но мальчишка не чародей, его сила совсем мала. На

выслеживание уйдет несколько дней. Если бы была его кровь... – Он надеялся, что парень ничего не заляпал кровью. – Я оставлю нож себе и сразу...

– Этого мало, – отрезал хлыст.

– Что?

– Этого мало! Я дам вам имена: колдунов в городе, имена магов обители, кто проверял детей, но год за годом не находил Дара. Я даже готов пустить вас в дом, чтобы вы там все перевернули. За что? За обещания?

Может, он и получил цепь хлыста, поддержав узурпатора, но в ложе торговцев заседал не зря.

– Дай-ка мне нож, – попросил спутника Верховный.

В клейкой мгле Изнанки даже разглядеть отражение клинка было трудно. Сперва Самер отрешился от миражей, которые маги творят, чтобы не сойти с ума в этой бездне. Призрачный сад дрогнул и растаял, обнажив истинный облик той стороны: тьму, пронизанную гудящими потоками силы. Затем чародей отбросил и их тоже, сосредоточившись на бледном отпечатке души.

Когда он открыл глаза, посреди беседки наливалась цветом и формой сплетенная из дыма фигура. Обрисовались черты скуластого лица, темные вихры, неуклюжие руки с большими ладонями. «А ведь это паренек, что задремал на пристани!» – вдруг понял маг. Да, это он. Взгляд глубоко посаженных глаз был острым, умным, но затравленным.

– Довольно? – спросил чародей.

– Для начала да, – хлыст медленно кивнул. – Распорядитель ложи и достойный Назір, торговец пряностями. Это их дети. Втроем с сыном пили, лапали девок... наверное, и убивали тоже втроем.

Самер видел, что вельможе больно об этом говорить, больно и стыдно, но сочувствия не испытывал. Это могла быть и его судьба, оказался отец похож на Джалида. Впрочем, хлыст не нуждался в сочувствии.

– Ублюдки! – выдохнул тот. – Все трое выблядки. Проклятые богами.

«Дыхание Бездны, – подумал Верховный. – Как же ты говоришь со мной, проклятым?»

Вслух он спросил:

– Кто учил Зеваха и других?

– Какой-то бродячий маг из Круга. Абия сама отыскала его, я не хотел мараться.

«Путник? Нет. Нет, такого не может быть».

– А в обители? Кто закрывал глаза на отщепенцев?

– Мудрая Хоран сама проверяла Светлый город, – губы вельможи изогнулись в кривой улыбке, он медленно и скорбно произнес: – «Это такая честь, такая честь»... Я попрошу, господин маг: сделайте это быстро. Если уж нужно... бросить достойных в застенки... пусть хватит одного удара. Как на казни.

– Конечно. А как иначе?

Самер встал, но хлыст не поднялся вслед за ним, даже из вежливости. Он выглядел усталым и очень, очень старым.

– Синан, будь добр, покажи гостям дорогу, – попросил он. – А потом... потом передай людям, кого им искать.

Это было даже лучше, чем Верховный смел надеяться: дом пустовал, остался целиком в их распоряжении. Видать, боги улыбаются и тем, кто их не так уж чтит.

Когда сын кочевников оставил их, они быстро поднялись по главной лестнице. Тишина стояла такая, что Самер вздрогнул, когда сквозняк зашевелил занавеси в дверных проемах. Ндафа двигался легко и бесшумно, даже удивительно для здоровяка. Казалось, они как воры крадутся по спящему дому, вслушиваясь: не раздастся ли скрип кровати, не проснулись ли хозяева?

Впрочем, Верховный и впрямь прислушивался, но не к шорохам, а к колдовскому чутью.

Разлитая по саду сила была остатками грубых, детских, но очень мощных чар. Однако не более, чем следом. Да и тот сохранился потому, что силы хватило бы спалить весь Светлый город. Самер думал, он потому и не понимает чуждой магии, что она почти выветрилась. Но здесь, в доме, он видел, как переплетены нити... и не узнавал узлы. Чувствовал пульс лишь вчера созданных чар... и не мог их раскусить.

Охранные заклęcia? Нет, слишком просто. Иллюзии?

– Крови нет, – Ндафа остановился на пороге и выругался. – Челядь вытерла всю кровь!

– Не думаю, что Челядь.

Верховный встал рядом, оглядывая комнату. От стены к стене пол устилал бесценный ковер с цаплями и зарослями тростника. Яркие, не в тон, подушки, сияющая позолотой мебель... – как и все в джамайском Светлом городе, покой кричал о роскоши, но не о хорошем вкусе.

К тому же и сынок вельможи, и его люди не очень заботились о чистоте.

– Клинок тоже вытерли, – напомнил чародей. – Ему ли не знать, что кровь порабощает? Следы убрали сознательно.

– Можно выследить его по вещи. Как парня по ножу.

– Можно... – Загадочное плетение чар не давало Первому покоя, так что отвечал он рассеянно. – Но я бы не рассчитывал. Тут... тут что-то неладно. Я не понимаю его магию. Он действует очень просто, как ребенок. С огромной мощью, но просто. И все же я не понимаю!

Ндафа начал медленный обход покоев: передвинул липкое блюдо, откинул с постели расшитые и украшенные бахромой покрывала. Приподнял крышку курительницы и принялся к горке пепла.

– Листья ралха, – отметил он. – Сынок-то баловался курениями. Чтобы маг дышал дымом? Первый раз слышу.

– И не услышишь, – Самер усмехнулся. – Ставлю золотой, ты и о воинах не слышал. Мы не теряем Дара ни от дыма, ни от вина. Но стоит начать, и очень скоро тебя уже не назовут ни магом, ни воином, никем.

Бездна, как же сила угодила к такому ничтожеству? Или нужно быть ничтожеством, чтобы тебе ее вручили? Чародей еще раз обвел взглядом комнату. Скривился на шеренгу ваз голубой керамики, в которых пылились давно засохшие цветы.

– Здесь ничего, – отчитался Ндафа. – Разве только вы видите что свое. Чародейское.

– Сейчас посмотрим.

Самер закрыл глаза, отрешился от всего, что доступно телесному зрению. Перепутанные, кое-как связанные линии стали ярче, отчетливей, и на сей раз он понял. Заклęcie маскировки, простенькое, но мощней всего, что он видел за пределами столичной обители. Оно было сильным, но Первый сильнее – рассерженный сопротивлением, он попросту разодрал завесу в клочья.

За ней пряталась обычная дубовая дверь, прикрытая чарами для отвода глаз. А за дверью... боги, пусть это будет то, что они ищут!

Комната оказалась совсем маленькой и лишенной окон – и еще более запущенной, чем предыдущая. Ковер, окованные медью лари, стеллажи для свитков – все это давно не чистили и не отмывали. Ндафа сразу начал исследовать полки, Первый же подошел к столу. Чернильница. Палочка для письма. Огарок свечи в изящном поставце.

– Мудрый, здесь... – начал говорить островитянин, когда Самер перебил его:

– Нет, это не маг Круга.

– ...здесь все на каком-то языке. Что вы говорите?

– Это не маг Круга, – повторил Верховный. – И вообще не из Царства. Это язык Нагады.

Он поднял со стола лист пергамента, исписанный тонким бисерным почерком. Вот только вместо вязи здесь каждая буква стояла особняком. Ни заглавных знаков в начале предложений, ни пометок ударений и интонаций. Казалось, лист покрыт рядами бессмысленных значков, каждый походил на насекомое, а не на букву.

– Как стихи, – пробормотал Ндафа. – Видите? Строки одна под другой.

– Это гимн богу. Владыка, восходящий, как луна... Пришел смотреть... нет, я пришел созерцать твою красоту, – начал разбирать чародей.

– Может, его учил жрец?

– Да нет, не жрец, – Верховный коснулся статуэтки, стоявшей тут же, на столе. Похоже, ею пользовались как прессом для бумаг.

Статуя была выполнена в характерном заморском стиле: небольшая, в пол-локтя высотой, свободная естественная поза, небрежно смявшиеся складки ткани. В Царстве никогда такого не умели, маг знал вельмож, что отдали бы за нее баснословные деньги.

– Видишь, это не дева, не юноша-охотник, не воин... это вообще не искусство, а колдовской инструмент, – пояснил Самер, – просто нагади даже их ваяют так, что нам и не снилось.

– Так что это?

– Малый наставник. Это подобие мага, в котором все силы уравновешены, на них натаскивают детей с Даром.

– И он оставил такую улику? – с сомнением протянул воин.

– А почему нет? Во-первых, Зевах Адрата редкостный глупец. А во-вторых, я ничего не чувствую.

Судя по выражению лица, Ндафа ничего не понял, и Верховный пояснил:

– Ну вот смотри: я едва разбираю, что там наплел наш неуч, но хотя бы слышу его чары. А это делал настоящий маг, в Нагаде, и я не слышу ничего. Вообще ничего. Как будто это кусок камня. Они иначе овладевают Даром, понимаешь? Не знай я, что изображения магов – это малые наставники, решил бы, что держу дорогую игрушку. Как те вазы, – Верховный кивнул на дверь.

Воин пожевал губами, и Самер продолжил:

– По легендам, магия пришла из Закатных царств, из земель на краю мира мертвых, куда уходит умирать солнце. Не знаю, есть ли там царство мертвых, но магия и впрямь пришла с заката. Там есть очень старое знание, очень древнее... должно быть, и новое знание они открыли раньше нас. На таком-то основании! Теперь я не удивлен, что твой некто запер пленников в беспамятстве, хотя нам кажется, что в Алиде это невозможно.

Они помолчали, думая каждый о своем.

– Что мы отсюда заберем? – спросил Ндафа.

– Возьмем листы, статую и пару книг. И поищи личные вещи Зеваха. Ты прав, сегодня нужно многое успеть.

Когда они покинули дом, сад погружался в сумерки. Хлыст не терял времени даром: слуги уже мели давно не убиравшийся двор. За тенистыми деревьями виднелся купол храма Солнечного Владыки, последние лучи солнца позолотили самую его верхушку.

– Ну, что теперь? – спросил островитянин.

Чародей обернулся к нему. Темнокожий воин казался спокойным, но Самер достаточно его знал, чтобы заметить скрытое напряжение.

– Теперь нужно перевернуть вверх дном обитель и взять под стражу пару богачей, – ожидая, пока к дверям подадут паланкин, маг сел на каменную скамью под деревом и опустил голову на руки. – У меня такое чувство, Ндафа... чувство, что мы сейчас разгоним большую волну, и я не знаю, куда она понесет и что сметет на своем пути.

Капитан лишь хмыкнул. Носилки были совсем близко, когда Самер добавил:

– И еще я впервые думаю, что после сегодняшнего меня захотят убить.

5

Столица, квартал иноземцев, 11-е месяца Пауни

Кобылка Зéно Я́ннис не желала мириться со спокойным шагом процессии и недовольно гарцевала, когда Зено ее одергивала. Стук лошадиных копыт мешался с треском барабанов. Посол бросал на помощницу сердитые взгляды, но так ничего и не сказал. Пусть его. Посол Ксад относится к тем людям, которые недовольны всегда.

У них за спиной, на вершине холма, весь вечер шли гуляния. Попрошайки кланчили медовые сласти, танцовщики в цветочных венках облюбовали площади, а жрецы один за другим распевали гимны Темéрасу. Десятки костров горели по всему кварталу иноземцев, но остальной город, такой шумный в любую другую ночь, притих. Недоброй тишиной: казалось, столица сцепила зубы, пока нагади славят своего бога.

Это тревожило Зено. Никогда еще недружелюбие города не чувствовалось так остро. Сама ночь, душная и влажная ночь Царства, так непохожая на воздух родины, дышала враждебностью.

– Когда Черный Азас взошел на трон, – вдруг заговорил посол, и его голос вырвал Зено из раздумий, – квартал иноземцев сожгли до основания.

Теперь настал черед посланницы бросить на спутника быстрый взгляд. Тот застыл в седле и слегка повернул голову, прислушиваясь.

– Узурпатор заявил, что погромщиков наняла ложа торговцев, – продолжил он. – Мой предшественник бил себя в грудь, твердил, что торговцы ни при чем... лучезарный бросил дюжину купцов в застенки и отобрал имущество у многих других по всей стране.

Несколько шагов они проехали в молчании.

– Вы тоже чувствуете? – спросила Зено.

Посол едва заметно пожал плечами.

– Я не слепой и не глупец, Зено. Слишком тихо... Эта тишина беременна, рано или поздно она разродится кровью. Не сегодня, конечно. Но скоро.

– Я с утра была в торговом доме Шубáт. Мне намекали, что Нагаду представляет очаровательная госпожа! А Высокий город выгадает, если... – она процитировала: – «...если наследник станет относиться к нашим интересам не как к вложению, а как к своим, семейным интересам».

Зено невольно улыбнулась, вспомнив велеречивого секретаря. Тот говорил и поглаживал пальцами вышивку на животе, словно предвкушая прибыли, однако посол лишь покачал головой.

– Ты торговый представитель, Зено, – сказал он. – Купцы первые заинтересованы в хорошей сделке. В остальном же... дела у советников не очень. Хуже даже, чем у Азаса. Слишком много нищих и обездоленных, – он вновь покачал головой. – Людям нечего есть, Зено. А когда нечего есть, толпа всегда жаждет крови.

Что это, один из приступов фатализма, которыми прославился посол? Молчание столицы и впрямь казалось недобрым. Зено повела плечами, прогоняя пробежавший по спине холодок.

– Вы так говорите, будто ждете беспорядков.

– Слишком много нищих и обездоленных, – повторил Ксад. – Беспорядки будут. Или, думаешь, нас обойдут стороной? Советники обернут недовольство против старого врага или толпа захочет нашей крови. Высокий город и Царство слишком долго воевали.

– Вы... вы уже думали об этом?

– Кое-что думал, – неохотно протянул посол. – Да, после церемонии нужно поговорить. Но сперва храм. Позаботимся о небесном, а потом уже о земном.

В старом лисе было столько же набожности, сколько в базарном гадалышке, но большего из него не вытянешь, а потому оставалось ждать. Они миновали мост над каналом, в котором тихо плескалась черная вода. Недалеко отсюда их соотечественники пускали по течению маленькие фонарики, и теперь огни скользили прочь. «Как неприкаянные души», – отчего-то подумалось Зено.

Храм Темераса в квартале иноземцев прятался в улочке столь тесной, что здесь едва могли разъехаться два конника, а со стороны он походил на доходный дом. Лишь дверные косяки в виде фигур с бесстрастными лицами говорили, что это не вполне обычное здание.

И все же они не готовили к тому, что ждало внутри.

Воздух здесь пах пряностями, и кедром, и еще тем неведомым снадобьем, тем домашним запахом, которым благоухает дом Господина Сил. Бледные звезды и полумесяц, небесные змеи и фигуры созвездий мерцали в свете лампад, выложенные стеклом на потолке. Зено прибыла в столицу прошлым летом, чуть меньше года назад, и не застала главный праздник Нагады на чужбине, а потому задрала голову, с любопытством разглядывая потолок. И потому же обратила внимание на жреца лишь когда тот заговорил.

– Посол Ксад Имнес, – священник поклонился. – Представитель Яннис. Представитель Эвнóm.

Он кланялся и кланялся, каждому в отдельности. Головной убор жреца украшали шипы из красного дерева, с которых свисали серебряные колокольчики, так что каждый поклон сопровождался мелодичным звоном.

– Прошу вас. Для церемонии все готово.

Жрец повел их за собой, подметая темные гранитные плиты подолом рясы. В Нагаде, где почти все в правящем Светлом собрании маги, к богам всегда относились проще: скорее с пониманием, чем с почитанием. Нагади приходят в храмы, приносят небольшие дары и разговаривают, советуются со священниками – вместо пышных церемоний и простираний ниц. Зено не сомневалась, что в другой день здесь бы толклись люди, а перед статуями лежали груды цветов, самого простого подношения.

Но не сегодня. Ночь Темераса – время единственного обряда, прошедшего через века, из темной суеверной древности.

Когда священник раздвинул шелковые занавеси, Зено ахнула. Ей не доводилось бывать во внутреннем чертоге храма – в Нагаде ее считали птицей не того полета, но в квартале иноземцев она не ожидала увидеть подобное. Круглый зал был облицован красным мрамором, камнем редким и безумно дорогим. На постаменте в середине высился символ Господина Сил, языки пламени – из мягкого и чистого розового золота. Вокруг горел и настоящий огонь, сполохи плясали по стенам, так что казалось, что драгоценное пламя и впрямь зажило собственной жизнью.

Небесные владыки! Зено представила, как смотрелось бы это золото на ее груди. Да, секретарь торгового дома задохнулся бы от зависти. Посол со спутниками уже рассаживались на низкие скамьи. Ксад недвусмысленно похлопал по подушке справа от себя.

– Как тебе? – Стоило Зено занять место, посол склонился к ее уху. – Храм понемногу украшали десять лет. На пожертвования богатых земляков.

– Впечатляет... нет, захватывает дух, – честно призналась посланница. Мгновение поколебавшись, она спросила: – А вы не боитесь? Такая роскошь и в такое время...

– Не сейчас, Зено! – резко оборвал ее посол.

Жрец и вправду был слишком близко, а служки уже несли кратер с изящными ручками и бронзовый поднос с волнистым, как язык пламени, клинком.

– Господин Сил, душа, что ты вложил сюда, чиста! – нараспев начал священник. – Ты создал ее, ты дал ей форму, вдохнул в немые до поры уста. Прими частицу той души, позволь нам созерцать прекрасный лик...

Посол протянул руку, один из юношей провел клинком посередине ладони, а другой подставил кратер, позволив крови стечь в вино.

– Господин Сил, душа, что ты вложил сюда, чиста...

Короткий порез – и капли крови упали вслед за посольской. Чудны дела ваши, Небесные владыки! Дома, в Высоком городе, старший жрец собирал родовитых чародеев, чья кровь была бы кровью самой Нагады. Испив смешанное с ней вино, он делал предсказание и нарекал следующий год согласно тому, что напроорочил. Верней, так было, пока Нагада оставалась городом-государством. Зено прежде не задумывалась, как проводят церемонию в маленьких гаванях и анклавах вдоль побережья Внутреннего моря. Но дома делали так, и посланница не могла помыслить, что ее кровь станет кровью города, слишком коротка ее родословная. Однако здесь... Зено пробежалась взглядом по лицам. Пелий из купеческой семьи, Эвном военный. Да, кроме посла, она и впрямь была здесь самой благородной.

Ну хорошо, а дальше? Жрец будет делать предсказание, даст году имя? Ведь в эти же часы в Высоком городе уже нарекают грядущий год. И как быть с тем, что все они лишены Дара? В обряде ей чудилось что-то от древней магии крови, еще тех лет, когда на Благодатных берегах не слышали о Царстве. Очень похоже на то... но узурпатор не разорвал сношения с Нагадой только с условием, что иноземные маги больше не ступят на земли Царства. Все в посольстве простые смертные. Жрец не может этого не знать.

Она думала так, а священник меж тем закончил обход и опустился на подушки у огня. Колокольцы на головном уборе звякнули, когда он коснулся пола лбом.

– Воля Господина Сил – закон для праведных...

Пелий, полный краснолицый человек, ведавший переписью земляков, закашлялся. Тот, что сидел подле него, поднес ладонь к лицу и лизнул ранку, в его глазах читалась скука.

– Он есть податель благ и счастье верных...

Зено недовольно поджала губы. Да, ритуал стал церемонией, для многих обыденной, но она все видела впервые. Скрип скамеек и шепотки раздражали. Пелий поднял руку, видно собираясь опять закашляться, когда священник выгнулся дугой, запрокинув к потолку лицо.

– Вестник! – захрипел он, дыхание его клокотало в горле, словно жрец подавился кровавым вином. – Вестник-вестник-вестник-вестник...

Он повторял снова и снова, на все лады. Но разве не должно пророчество... О владыки! Вот и Пелий перестал кашлять, а посол подался вперед, и в этот миг жрец вновь согнулся пополам, ударившись лбом о мраморные плиты.

– Темно и пустынно в утробе небес, – голос звучал глухо, а колокольцы всхлипывали, когда плечи жреца сотрясались в сухих рыданиях. – Вестник ночной, ты отзываешься свистом смертельным. Сонм окружает тебя и бежит по безлюдным просторам...

Посол вскочил, но один из служек встал у него на пути. Всего лишь юноша, Зено думала, что аристократ, не глядя, отбросит мальчишку прочь. Однако посол остановился, словно перед ним был не молодой послушник, а воин.

– Вы что, не видите, что ему плохо? – воскликнул Ксад.

– Не больше, чем другим жрецам.

– Вестник! – прервал их вопль священника. Тот вновь распрямился и теперь не отрывал замороженного взгляда от пламени. Из-под волос по лбу сочилась струйка крови. – Благословен будь грядущий во славу Прекрасного! Темно и пусто в утробе небес...

Теперь повскакивали все, и Зено пришлось последовать примеру, чтобы не потерять жреца из виду. Обхватив себя руками, тот раскачивался из стороны в сторону, на губах его пузырилась розовая слюна – видно, священник прокусил язык. Но разобрать его слова было невозможно. Речь его тонула в гаме: за перепалкой посла со служкой, за дюжинами голосов, которые одновременно возмущались, спрашивали, поясняли.

– Да помолчите же! – воскликнула Зено, но ее никто не слышал, а возглас влился в общий гомон.

Поняв, что так она ничего не добьется, посланница стала проталкиваться к жрецу. Непростое дело, учитывая, что этим вдруг занялись все собравшиеся. Работая локтями, как заправская уличная торговка, она добралась до Ксада, так что служка расставил руки, преграждая дорогу и ей тоже.

– Это богохульство! – В глазах юноши светилось отчаяние, но тут его напарник подал голос:

– По-моему, кончилось.

Служка обернулся, и Зено увидела, что жрец обмяк в руках помощника, лицо его заострилось, на мгновение ей почудилось, будто священник мертв.

– Яйца Шеххана! – выругался посол. Совсем как подданный Царя Царей.

Однако до него уже никому не было дела. Бережно, точно сын измученного болезнью отца, юноша поднял жреца на руки и, прижав к груди, понес прочь.

Зено обняла себя за плечи. Время близилось к полудню, необычно жаркому даже по меркам Царства, но посланницу била дрожь: оттого ли, что она так и не спала, или от недобрых предчувствий. Ночь оказалась богатой на пророчества: сперва сулящий беспорядки посол, а затем и жрец.

Запретив себе вспоминать залитое кровью лицо, Зено подошла к окну.

Она прожила в столице всего год, под горячим солнцем, обжигающим шумные городские улицы, но успела влюбиться и в позолоченные купола, и в сады, и в цветастые мозаичные мостовые. Воздух здесь был другим, небо – непривычно глубокого синего оттенка, а по ночам казалось, что Царству светит вдвое больше звезд, чем ее родине. Она полюбила смуглых темноглазых людей, таких вспыльчивых, вдумчивых и таких высокомерных.

На картах город зовется «Анхър», но только чужаки называют их Царство анхарским. Для своих жителей Царство всегда одно, а иначе не может и быть. Они говорят «столица», но никогда не называют ее по имени – ведь в мире только одна столица, какая уж тут путаница? Все это Зено знала и прощала анхари спесь: в конце концов, Нагаду тоже основали они, когда Махáf Советник решил, что из горсти рыбачьих деревень получится торговая гавань.

Они запрещали чародеям владеть землей, их женщинам оставалось лишь мечтать о ее положении... Иногда Зено спрашивала себя, что она нашла в душной, заносчивой и безжалостной, как здешнее солнце, земле. И каждый раз отвечала: помпезные храмы – как горы в дрожащем от зноя мареве. И блестящая на солнце сеть каналов. И аромат гранатовых садов за городом.

Посол выкроил для нее время, когда солнце почти взобралось в зенит.

– Как верховный жрец? – вежливо спросила Зено, стоило ему переступить порог.

Ксад ответил не сразу. Она догадалась, что посол еще не ложился, и засуетилась, подставив кресло, налив чашу холодной фруктовой воды.

– Не знаю... – выдавил он. – Плохо.

– Что с ним? Послать за целителем из Круга?

Ксад поморщился, как если бы она сказала глупость.

– Мелиной здоров, как вол! – Зено не поняла, зависть это или возмущение. – Пожилой, потрепанный, но вол... Нет, он прокусил язык, расшиб себе лоб и не полностью оправился от приступа. Но в остальном он здоров. Еще меня переживет, – посол нашел в себе силы усмехнуться.

– Тогда что с ним?

Ксад сделал пару жадных глотков. Посланница терпеливо смотрела, как ходит под морщинистой кожей кадык.

– Он говорит, что это первое предсказание в его жизни. Настоящее. – Ксад отставил чашу и поднял брови. – Это меня пугает, я не знаю, что думать. Дать ему время, чтобы пришел в себя? Искать замену?

– Конечно, вы не думаете, что это было предсказание, – Зено налила фруктовой воды и себе. Опустилась на пуф напротив.

– Брось. Ночь Темераса... это старая, освященная веками, но просто церемония. Я знаю Мелиноя много лет, это не тот человек.

– Главное, чтобы прихожане не догадывались, – посланница улыбнулась сомкнутыми губами.

– Зено, я тебя умоляю! – Ксад отмахнулся. – Дело не в вере. По-твоему, бог – это что-то вроде князя? Свод законов и жрецы-глашатаи?

Она понимала, что посол пришел не за этим, что она испытывает его терпение, но все же спросила:

– Тогда что же?

– Ну, знаешь, я не жрец! Но Мелиной хороший священник, он знает, что грош цена владыке, который требует. Истинный бог не кричит на каждой площади. Он... безмолвно наблюдает, но не понукает. Да он и вовсе... не знаю, должен пребывать вне времени, вне...

– На Изнанке, – подсказала Зено. – В утробе небес.

– Я вижу, к чему ты клонишь! – вконец разозлился посол. – Мы тут занимаемся не богословскими спорами. Если бы мое дело не касалось Темераса... Ох, владыки, как же не ко времени!

Ксад провел дрожащей рукой по лицу, словно пытаясь стереть отпечаток, который оставили на нем заботы. Зено стало почти жаль старого аристократа: уж слишком долго и слишком многое тот нес на своих плечах. И все же почти. Посол был добр к помощнице, но она чересчур много знала, чтобы считать его просто ворчливым безобидным стариком.

– Вот что, милая, – резко сменил тему Ксад, – как ты относишься к магам? Ты понимаешь: ходят разные толки...

Что ж, кто-то все равно спросил бы. Посол и так целый год сдерживался. Зено вздохнула, собираясь с мыслями.

– На самом деле все просто. Мой отец маг, вы знаете, он заседает в Светлом собрании. Он очень... даже слишком рассчитывал на сына, но родились Лабда и Нелáрос, а потом я, – Зено поднесла к губам чашу, но так и не отпила. – Мои сестры хотя бы чародейки, а я... младшая вышла ни так ни сяк.

Она усмехнулась. Помолчала.

– Нет, меня любили. Но относились, как... как в семье книжника относятся к дурачку?

– Я понимаю, – кивнул посол.

Зено бросила на него взгляд поверх края чаши. Понимает? Он тоже из отцов города, и тоже уродился без Дара. Впрочем, какая разница!

– Потом был мужчина, мой муж. Вот кого владыки одарили, он мог далеко пойти. В его-то возрасте уже прочили место в Светлом собрании, – Зено вспомнила его руки и то, как по утрам кололась щетина, когда он целовал ей шею, плечи... быть может, не стоило рассказывать послу, чужому, в общем, человеку, но она все же закончила: – Ему я была нужна как источник силы. Я родилась без Дара, но сила... я унаследовала...

– Я понимаю, – мягко повторил посол.

– В те дни я бы сказала, что Дар калечит душу, – заключила она. – Не то чтобы я... нет, я не считаю... так же, как относились ко мне в семье. Но Дар меняет человека. Они все одержимы силой. Одержимы тем, что отличаются от простых смертных. Я уехала в Царство потому, что здесь все по-другому. И родичи вздохнули с облегчением: посольство – хорошее место для женщины из семьи отцов города.

– А ты хороша для этого места, – кивнул Ксад. – Но это все ты сказала тогда. А сейчас? Зено отставила чашу, которую все еще вертела в руках.

– Я лучше узнала Царство. Я многое не понимаю, меня возмущает, как анхари относятся к женщинам, как держат чародеев на поводке... Но я-то знаю, что маги не агнцы. Наверное, многое заслужили сами.

– Раньше было еще хуже, – заметил Ксад. – Их держали в обителях, как в тюрьмах.

– Знаю. Я все это знаю, но... мне понравилась эта земля.

– Это хорошо, – посол довольно откинулся в кресле и обхватил пальцами подлокотники. – Хорошо, что избавилась от предубеждений. И еще лучше, что не разочаровалась в Царстве. Скоро ты узнаешь его поближе.

– Что вы задумали?

– О, очень простую хитрость. Слишком простую для такого старика, как я, – посол притворно покачал головой, но Зено видела, что он собой доволен. – Сила Высокого города, милая, это не только торговля, флот и наши маги. Есть нечто неуловимое, влияние. То, что о нас думают. К сожалению, в Царстве... скажу просто: мы слишком долго воевали.

– И помогали кораблями, когда на Анхар наседали с моря! – возмутилась Зено. – Мы возвели на трон не одного царя...

– Соперничали за торговые пути, – перебив, продолжил за нее посол. – Строили крепости на их берегах. Да и наше участие в дрязгах... Нет, Зено, у нас долгая история, но и сложная тоже. Вчера мы слышали, как веселится столица, когда в квартале иноземцев праздник.

Ей было нечего возразить, оставалось скромно потупиться.

– И вот я решил, что пора с этим покончить, – заключил посол. – Если на то будет воля Темераса, простые люди лучше нас узнают, когда мы начнем строить храмы. Собственно, строительство трех уже идет.

– Поэтому вчерашнее происшествие...

– Не ко времени, – кивнул Ксад. – Мелиной наш старший жрец в Царстве, но одно дело наставлять скромную паству в квартале иноземцев, и другое – когда откроются три, четыре, полдюжины святилищ. Не знаю, потянет ли он.

– При чем здесь маги? – вспомнила Зено.

Тонкие губы посла вдруг растянулись в улыбке – редко такое увидишь на вечно недовольном лице.

– Ты хмуришься, когда думаешь, – отметил Ксад. – Но мне это нравится. Пелий и Эвном не привыкли думать, у одного глаза наливаются кровью, другой выпячивает челюсть. Жаль будет тебя отсылать.

– Вы не ответили на мой вопрос.

Посол вытянул ноги и хихикнул, но все же снизошел:

– Из всех Небесных владык величайший – Темерас, Господин Сил и Властелин Чар. И если отчаявшийся чародей... если многие из них узнают, что можно прийти в храмы покровителя магии, то разве мы откажем им в укрытии? Разумеется, тайно: к чему нам перепалки с властями? Для остальных... пусть храмы помогают узнать Высокий город, это уже немало.

– Вы думаете, нам позволят? Просто так, на пустом месте возвести храмы Темераса?

– О, речь о крупных городах, где уже достаточно наших земляков. Не на пустом. И уже позволили! Я обо всем позаботился, Зено. Кое-что уступил Золотому двору, но по нынешним временам советники согласятся на все, что сулит золото.

Зено молчала, осмысливая услышанное. Посол не торопил ее, лениво потягивая фруктовую воду.

– И все же вы боитесь беспорядков. Хотя заключаете сделки с советниками, – произнесла она.

– Именно потому, что заключаю, – серьезно ответил Ксад. – Зено, ты торговый представитель! Если они смогут не возвращать займ, если возвращать будет некому... ты должна это понимать!

– И что будет с храмами?

– Поглядим. Потому-то я и начал, не дожидаясь разрешений. А там мы поглядим... Быть может, они еще не обернутся против нас. Быть может, им потребуется не только золото, но и мечи.

Зено резко встала. Слушать, как он прочит погромы, было невыносимо. А если даже волнения не коснутся квартала иноземцев... она бросила взгляд в окно, где полуденное солнце отражалось от плоских крыш. Под стенами посольства, на крохотной торговой площади, толкались и кричали люди, лавочники предлагали лепешки, фрукты, дорогое стекло и заморский шелк.

– Вы так говорите, будто это решенное дело!

– Милая, боюсь, это и есть решенное дело, – мягко заметил посол. – Ты приехала год назад, а я прожил здесь слишком долго. Ты видишь, я даже ругаюсь, как анхари, – он вздохнул. – Мир меняется, Зено, нельзя вечно жить, как жили предки... Цари-чародеи это понимали. Правители из них вышли, как из меня шлюха, но это они понимали. При них в Царстве возникла ложа торговцев, маги появились при дворе, а с ними их безумные изобретения. Черный Азас не понимал ничего, он наводнил двор жрецами и вернул власть вельможам, чье единственное достояние – родословная. Но он был завоевателем, а сильному царю многое прощают. Но только не его преемникам!

Ксад сел на любимого коня, теперь с ним совладал бы разве что ученый книжник. Зено просто вполуха слушала, скользя взглядом по горизонту.

– Так всегда бывает, когда умирает царь, который правил долго, – продолжал посол. – Чем дольше правишь, тем меньше сильных умов, пока при дворе не останутся одни лизоблюды. Думай Азас о Царстве, давно бы назначил сына соправителем, а вместе с ним верного человека. Но Азас любил только себя, родного. Он вычистил всех, Зено. Всех, кроме лизоблюдов. Которые теперь хватаются за старое, пытаются сохранить все, как было. И чем сильнее пытаются, тем быстрее все разваливается. Вот только Азасу все прощали, а этим не простят. Нет, Зено, – посол покачал головой. – Все это глупости, после Азаса Царство обнищало. Казна пуста, юный царь бессилен, часть войск уже распускают: советники боятся бунта. Круг и двор перетягивают канат, как делали веками, но на сей раз рухнут все: и Царь Царей, и Верховный маг, и советники. Поэтому нужно, чтобы ты покинула столицу хотя бы на время.

– Что, все начнется так скоро?

– Я не знаю, Зено. Пока ты уезжаешь на пару лун, а там посмотрим. Может, я решу, что в городе уже не пахнет кровью.

В столице пахло пекущимся хлебом и подгнившими фруктами. Несколько ударов сердца Зено молчала.

– Что от меня требуется? – спросила она.

– Следить, как тратят наше золото. Святилища уже строят... вернее, перестраивают, как здешний храм переделали из доходного дома. Утварь, послушники – всем этим займутся, я нашел одного жреца в Табре. Твоя задача – не сводить с него глаз и следить за каждой монетой. Ты знаешь, какие мошенники эти жрецы: была горошина, раз-раз – и под наперстком пусто.

Посол хохотнул, довольный шуткой. Потом допил фруктовую воду и со стуком поставил чашу на столик.

– Ну, что скажешь? – спросил Ксад.

Как будто она могла сказать хоть слово против.

Джамайя, лекарский квартал, 11-е месяца Пауни, вечер

Стражников Джен увидел еще на подходе к дому. В другое время он бы их не заметил, но теперь вздрагивал, завидев серые туники людей хлыста.

Их было двое, они стояли к нему спиной, в дверях лавки старого Адада, а потому не могли видеть парня. Юноша вознес хвалу богам за то, что старик глух и не вылезает из-за прилавка, страже пришлось заглянуть в душную и полутемную клетушку. Не дожидаясь, пока они обернутся, Джен замешкался, точно забыл о чем-то, а потом нахмурился и быстрым шагом пошел обратно.

Он перевел дыхание, лишь когда завернул за угол.

Быстро же они! Джен никогда не думал, что безымянного парня из бедноты так просто отыскать. Впрочем... не каждый день простолюдин поднимает руку на богатея.

Только сейчас он по-настоящему понял ужас своего положения. Он, сын простого лекаря, который отродясь не держал в руках ничего тяжелее мясного ножа... недостаточно богатый для пьяных приключений, и недостаточно бедный, чтобы воровать на базарах, – он стал преступником. Хуже даже. Гораздо хуже. Он ранил достойного.

Звуки и краски города вдруг стали резче и пронзительней. Голос коробейника резал слух, солнце, отражаясь от побеленных стен, слепило глаза. Едва не угодив под копыта лошади, юноша добрал до ближайшего дома и привалился спиной к стене.

Вчера все было как в тумане. Холеное лицо, полные, искривленные в усмешке губы. Что он говорил? Джен не помнил. По правде сказать, будь у него еще одна возможность, прямо сейчас, юноша бы довершил начатое. Только вот дрожь в коленях не унималась. И сердце кололось часто, точно норовя пробить грудную клетку.

Джен никогда не считал себя смельчаком. А если бы и считал... записной храбрец из тех, что хвалятся подвигами за чашей кислого вина, и тот бы лишний раз подумал, натрави на него всю городскую стражу. Что бы этот храбрец делал на его месте? Скрылся в трущобах? В притонах, где тошно от запаха черного дурмана?

«Записной храбрец слишком умен, чтобы бросаться с ножом на вельможу», – напомнил себе Джен.

Мысли понемногу приходили в порядок. Отлепившись от стены, он побрел вдоль улицы и свернул в просвет меж глиняными заборами. Не обращая внимания на мусор и хрустящие под сандалиями черепки, юноша двинулся в сторону реки.

Джен знал этот лабиринт с мальчишеских лет, когда вместе с ребятней играл в пыли джамайских улиц. Помнится, тогда заборы казались стенами столицы, а каждый из них воображал себя Азасом. Боги-боги, как же давно это было! Оставалось молиться, чтобы за минувшие годы никто не расширил свой дом, чтобы сточные канавы пролегали по-прежнему, а заборы стояли там же, где и десять лет назад.

Не то боги слышали его, не то у живших здесь не хватало денег на перестройку, но проулки и впрямь вывели его к реке, а затем к забору, через который свесились чахлые ветви карагача. Так и есть: трещина пересекала стену сверху донизу. А карагач... кажется, его посадил еще дед Джена.

Юноша опустил на корточки и прислушался. Он слушал долго, пытаясь унять колотящееся сердце, но в доме было тихо. Кабы не лай собак и не далекий, доносившийся с Рыбного базара гомон, он бы сказал наверняка, а так он просто ничего не слышал.

Отдышавшись, парень поднялся и собрался прыгнуть, уцепиться за край забора пальцами, когда услышал голос. Слов он не разобрал, но хватило и интонаций. Джен остановился на полувздохе и попятился.

Значит, нашли.

В доме осталась рыбная похлебка, а желудок напомнил, что в последний раз он ел вчера, еще до полудня. Там лежал отец. Там же, в коричневой шкатулке, хранились два серебряных кедета: их берегли для погребального костра. Юноша коснулся кошелька на шее. Денег оказалось так мало, что он нащупал их через два слоя ткани. Четыре неровные монеты. Все медяки. И серебряк в кармане – все, что осталось от Сахры.

«Упрочившийся в свете, живущий вечно, Первый-в-Круге Аасим ас-Джаркал».

Джен свернул пару раз, пока не остановился. После блужданий по задворкам он покрылся пылью. Когда вытер со лба пот, на ладони остался серый след. Несколько вздохов юноша разглядывал его, не понимая, что видит.

Потом вдруг в голову стала лезть всякая чепуха. Он вспомнил, как отец водил их с Сахрой на базар, но по рассеянности потерял в толпе, и они целый день слонялись по городу и вымазались в пыли похлеще нынешнего. Еще он вспомнил, как перелезал через забор с карагачом года три назад, когда спешил к дочери пекаря из Мучного квартала. Сахра тогда скатала пару циновок и сунула под покрывало, как будто он спокойно спит. А Джен тем временем брел этими же задворками, но в кромешной тьме и ругаясь на каждом шагу.

Куда же ему идти теперь?

Юноша не знал. Другой, быть может, подался бы в трущобы, но Джен понимал, что не выживет там. Да, Глиняный город укрывает своих, бывает даже, что укрывает чужаков, но не за четыре медяка. Куда еще? Гавань? Храмовый круг? Частым гостем в храмах Джен не был, но подозревал, что и жрецы не станут его прятать, несмотря на право священного убежища.

Оставался один выход – уйти из города. Парень даже в мыслях не допускал, что покинет Джамайю надолго. Все, что ему нужно, – пересидеть в лесах, дожидаться, пока кутерьма уляжется. Это лучше, чем стоять в проулке и вслушиваться в каждый шорох!

Он не торопился. Джен выбрал самые глухие подворотни и полпути прошел, не встретив ни одной живой души. Перед тем как выйти на улицу, он наскоро отряхнулся и, как в реку, с головой нырнул в людской поток.

Песьи ворота забыли дни, когда через них тысяча за тысячей уходили на восток царские воины. Отец рассказывал, что здесь возвышался храм Шеххана, Шакала Пустыни и Желтого бога и в годы войн его ступени были красны от крови жертвенных быков. Верилось с трудом. В последний раз войска проходили Джамайю лет двадцать назад, да и то спешили дальше, не задерживались. Квадратные башни обветшали, а от Дома Шакала не осталось даже фундамента. Только песьи головы над воротами так же безразлично взирали на снующих людей.

Завидев собачьи морды, Джен остановился. Толстуха, от которой разило розовой водой, толкнула юношу и рыкнула: «Смотри, куда прешь!» – но не остановилась, чтобы взглянуть. Джен не двинулся с места, позволив уличной толпе обтекать его. Он вдруг понял: меньше всего ему нужно соваться к воротам.

Потребовалась вся ловкость, чтобы, лавируя в толпе, перемахнуть через сточную канаву. Скрывшись в очередном закоулке, бросая опасливые взгляды на закрытые ставни, юноша забрался сперва на разошедшийся сарай, а оттуда уже на крышу склада. Стараясь поменьше шуметь, он подполз к краю и заглянул вниз.

На первый взгляд на въезде в город ничего не изменилось. Оббитые медью створки были распахнуты, и вереница телег вытянулась по ту сторону ворот, как и всегда. Только вместо пары стражников, собирающих въездную пошлину, Джен насчитал целый взвод. Один из них, с конским хвостом на шлеме, держал в руках лист дешевой тростниковой бумаги. Стражник стоял боком и далеко, но юноша сразу догадался, что там изображен его портрет.

Джен выругался.

Это конец. Даже если б он хотел, и то не затерялся бы в городе. Если портрет есть – пусть неточный, пусть непохожий на него, что мешает купеческим старейшинам вывесить такой же на базарах? Пройдет пара дней, и каждый лавочник будет искать долговязого парня с темными кудрями. Притом его-то они и не поймают: так, загребут среди сотен прочих.

Юноша опустил голову, прижался лбом к шершавой известке. Можно скрипеть зубами, до боли в костяшках сжимать кулаки, но толку не будет.

Другие ворота? Джен мог отправиться в другой конец города, но знал, что и там увидит то же самое. Конечно, пару дней он продержится, сумеет воровать еду у уличных торговцев.

«Сумею ли?» – мелькнула шальная мысль.

Юноша невесело усмехнулся и полез обратно.

«Наверное, я мертв, – подумал Джен, поудобнее устраиваясь на жестких досках. – Живой человек не может быть так голоден».

Он бросил взгляд на звезды, определяя время, но понял, что проще дожидаться храмового звона. Лунный свет вычертил силуэты Светлого города на фоне ночного неба. Как призрачные дворцы царства теней.

Вечер он потратил на блуждания по гавани. Казалось бы, та протянулась на добрую четверть схена, уж где-нибудь должна найтись лазейка. Но Джен не только не нашел ее, он едва успел скрыться, пока его не приметили. Все причалы были усыпаны людьми хлыста. Покусись он на Царя Царей – и то его ловили бы не так ретиво.

«Интересно, какую награду за меня назначили?» – подумал Джен. Судя по всему, немалую. Это успокаивало: получается, Зеваху еще хуже. Эту мысль парень твердил, как молитву, она согревала окоченевшее от неподвижного сидения тело.

Наконец, над городом поплыл гулкий и протяжный голос гонга. Первый удар, совсем близко – и тут же из разных концов Джамайи ему вторили глухие и звонкие, высокие и низкие голоса гонгов других храмов и святилищ. Четвертый ночной звон. Время, когда луна опускается совсем низко, и поверхность реки перестает выблескивать серебряными брызгами. Джен ощутил мимолетную гордость за то, что подумал об этом.

Последний удар стих, смолкло эхо, а он все сидел, не шелохнувшись. Та сила, что заставила его обойти гавань, ушла. Парень вспомнил отца, каким оставил его прошлой ночью. А ведь он собирался вернуться и позаботиться о последнем костре! «Никому не станет лучше, если люди хлыста меня поймают, – сказал себе Джен. – Никому». Образ старика возникал перед внутренним взором. «Я вернусь. Я обязательно вернусь! Ведь они же... они все равно не дадут мне предать тело огню!»

Джен обругал себя последними словами, но так и не сдвинулся с места. Он запомнил расположение каждого стражника, каждого разожженного костра, но теперь, когда пришло время действовать, не мог заставить себя выползти из-за вывешенных на просушку сетей.

«Болван!» – сказал себе юноша, и в этот миг над гаванью прозвучала трель рожка. Стражники зашевелились, вдалеке раздался стук копыт по брусчатке. Нашли, успел подумать Джен. «Просто смена караула. Боги, я схожу с ума!»

Парень пополз к воде, припав животом к грязным доскам. Свет ближайшего костра почти доставал до него. Джену казалось, что он кожей чувствует красноватые отблески, прыгающие по причалу.

– Как вы тут?

– ...проторчали целый день.

– Да нет его здесь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.